

ПРОТИВУГ ЯНУС

АЛЬБЕРТ БАЙКАЛОВ
В ОДНОМ СТРОЮ С ПОБЕДОЙ

Альберт Байкалов

В одном строю с победой

«ЭКСМО»

2009

Байкалов А. Ю.

В одном строю с победой / А. Ю. Байкалов — «Эксмо», 2009

Российские спецслужбы получают «горячую» информацию от пограничников: международный террорист бен Рашед аль-Масуд по прозвищу Черный Принц собирается провести диверсии против российских войск и организовать громкий теракт в столице. По заданию генерала ГРУ офицер спецназа Антон Филиппов внедряется в чеченскую группировку, связанную с Черным Принцем. Задача Филиппова – уничтожить изнутри террористическую организацию, почти легально действующую в Москве. Чтобы завоевать доверие террористов, Антон вынужден совершать бессудные расправы, за которые его начинают преследовать правоохранные органы. Руководство спецслужб не гарантирует безопасности своего агента. Что с ним произойдет после завершения операции, не знает даже всемогущее ГРУ...

© Байкалов А. Ю., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	41
Глава 8	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Альберт Байкалов

В одном строю с победой

Глава 1

Антон Филиппов проснулся от неприятного ощущения в ушах, вызванного снижением самолета. Сделав несколько глотательных движений и почувствовав облегчение, он открыл глаза.

По проходу салона бесшумно прошла симпатичная стюардесса. Проверяя, как пассажиры выполнили высветившуюся на табло команду «Пристегнуть ремни», она больше, чем положено, задержала взгляд на светловолосом молодом мужчине крепкого телосложения. У него были серо-голубого цвета глаза, излучающие уверенность и ум, правильной формы нос и волевой подбородок. Заметив, что от внимания пассажира не ускользнул проявленный с ее стороны интерес к его персоне, девушка виновато улыбнулась и покраснела, что редко случается с людьми ее профессии.

Весело подмигнув ей, Антон проводил взглядом стройную фигуру в униформе, потер лицо руками, прогоняя остатки сна, и выглянул в иллюминатор. Лайнер уже прошел облака. Внизу было отчетливо видно железную дорогу с расположенными вдоль нее деревнями и лес.

«Забавно, – подумал он, – еще утром я и предположить не мог, что в полдень окажусь в Москве».

Коррективы в распланированный по минутам день начальника службы безопасности коммерческого банка Филиппова Антона Владимировича внес звонок его бывшего начальника генерала Родимова. Несмотря на то, что Антон несколько лет назад оставил армию, а спецподразделение ГРУ, в составе которого он проходил службу, расформировано, капитан запаса зачем-то понадобился старому разведчику-диверсанту. Федор Павлович позвонил рано утром и без обиняков предложил приехать на празднование юбилея совместной жизни с женой. Филиппов сразу догадался, что это всего лишь предлог для встречи, а причина приглашения кроется совершенно в другом.

«Может быть, решили восстановить отряд? Как поступить, если это так?» Его ровесники, не прерывающие службу, уже почти все подполковники. Возвращаться капитаном в таком возрасте не солидно. С другой стороны, он успел убедиться, что монотонная размеренная жизнь на гражданке тоже не для него.

К генеральской даче Антона подвезли на служебной «Волге», водитель которой встретил его в аэропорту. Выйдя из машины, Филиппов сразу почувствовал среди запахов соснового леса аромат шашлыков и дымка. Он усмехнулся. Родимов, невзирая на язву, продолжал оставаться гурманом.

Войдя в просторный двор с нетронутыми хвойными исполинами, среди которых высился двухэтажный деревянный особнячок с просторной застекленной верандой, он сразу увидел генерала. В синем спортивном костюме и такого же цвета кепке-бейсболке тот колдовал у мангала.

– Ну что стоишь? – даже не удосужившись оторваться от своего занятия и лишь бросив взгляд в сторону Антона, спросил Родимов. – Особого приглашения ждешь?

Поправив на плече ремень дорожной сумки, Антон подошел к мангалу. Ответив на рукопожатие, Федор Павлович сгреб шампуры с нанизанными на них кусками мяса и, уложив на огромное фарфоровое блюдо, стоящее здесь же, на небольшом столике, развернулся в сторону дома:

– Галина! Мясо готово.

Только после этого спросил:

– Как долетел?

– Спасибо, нормально, – ответил Антон, одновременно поражаясь тому, как сильно изменился за несколько лет его шеф. Он полностью поседел. Лицо покрылось глубокими морщинами, а близорукий прищур серых глаз красноречиво говорил о том, что и со зрением у генерала не все в порядке.

– Ой! Кто приехал! – воскликнула вышедшая из-за деревьев Галина Андреевна – жена Федора Павловича, невысокая худенькая женщина. – Антон, а я вас издалека за водителя Федина приняла.

Генерал поморщился:

– Забирай шашлыки и дуй на веранду стол накрывать...

Уже вечерело, когда Антон, ополоснувшись под душем и сменив костюм на шорты и майку, остался с Федором Павловичем наедине.

Они расположились в небольшой беседке за домом, которую генерал построил своими руками и украсил замысловатой резьбой по дереву. Тишину нарушали лишь звуки, доносящиеся через открытые окна дачи, где дочь и жена Родимова наводили порядок после скромного застолья.

– Я слышал, ты женился? – Генерал вопросительно посмотрел на Антона.

– Давно уже. Сыну год.

– Вернуться нет желания? – неожиданно сменил тему генерал.

Антон неопределенно пожал плечами:

– И да, и нет. – Затем внимательно посмотрел в глаза Родимову: – А что, есть интересная тема?

– Темы всегда есть, – вздохнул он. – Специалистов нет. Досокращались...

– Ломать – не строить, – согласился с ним Антон, вспомнив, как в одночасье был расформирован отряд.

– Я тебя для чего выдернул... – Генерал снял кепку и, положив рядом с собой, провел по голове ладонью. – Помнишь бен Рашид аль-Масуда?

– Черного Принца? – усмехнулся Филиппов. – Еще бы. Опять небось где-нибудь на Кавказе объявился?

Генерал пропустил вопрос мимо ушей.

– Формируем группу конкретно по нему. Я хочу тебя, как единственного на сегодняшний день человека, досконально знающего его, попросить поработать с этим подразделением. Разведчики должны знать о нем все, начиная от того, кто стоит за ним в арабских странах и какую тактику действий предпочитает, заканчивая личными качествами и чертами характера. – Он выдержал паузу и, хлопнув рукой Антона по колену, усмехнулся: – А, собственно, что я тебя учу? Ты и без меня знаешь, какой информацией они должны располагать.

Некоторое время Антон молчал. Наконец, отогнав рукой от лица комара, посмотрел на Родимова:

– С тех пор, как я сталкивался с ним в последний раз, прошло три года. Много изменилось. Он, в отличие от меня, продолжал воевать. Совершенствовался...

– Все это время Черный Принц вел относительно мирный образ жизни, – перебил его Родимов. – Несколько месяцев жил в Англии, затем перебрался в Саудовскую Аравию. В общем, этот материал я тебе дам посмотреть. Офицерам и прапорщикам спецподразделения, которое ориентировано на работу по конкретному человеку, важно знать его психологию, менталитет и наклонности. Смоделируйте с ними несколько боестолкновений. Ты, например, будешь играть за араба...

Филиппов задумался. Несколько лет назад из-за этого человека его группа долго не знала покоя. Наматывая десятки километров в день по горным тропам и высиживая в засадах, имея

одну задачу – определить местонахождение и уничтожить аль-Масуда, они в конце концов вышли на его след. Однако, оказавшись, казалось, в безвыходном положении, почти полностью потеряв все свое окружение, тот все-таки умудрился ускользнуть на территорию Грузии.

Прозвище Черный Принц было дано Масуду отнюдь не за его черные дела, а за огромное количество нефтяных месторождений на территории Эмиратов, находящихся в его собственности. Разработка и добыча черного золота, приносившая баснословные деньги, позволяла безбедно существовать отпрыску знатного рода, предаваясь «утехам», коими были международный терроризм во имя мифического исламского государства и подрыв экономики сверхдержав. Особенно он ненавидел Россию. В начале девяностых Масуд окончил Университет дружбы народов в Москве и прекрасно говорил по-русски.

– Где вы планируете задействовать группу и какой ее состав? – спросил Антон.

– Средняя Азия, – едва слышно ответил Родимов. – Состав группы прежний.

* * *

Горы, подпирающие посветлевшее небо, выступив из темноты, окрасились в холодный и неприветливый серый цвет. Над их расщелинами зависли белые облака тумана. Предрассветную тишину нарушал лишь шум воды в вечно неугомонном Пяндже.

По дороге, утрамбованной ногами многочисленных пеших путников и накатанной колесами редких машин, в сторону реки ехали два автомобиля. Старенькая, белого цвета «Тойота», в дверях которой со стороны водителя красовалось несколько дыр от крупнокалиберного пулемета, и «уазик» без тента. Брошенный когда-то здесь русскими, он был отремонтирован и вот уже на протяжении пятнадцати лет верой и правдой служил его хозяину – Салману.

Таджик по национальности, он всю свою жизнь прожил в Афганистане, зарабатывая на хлеб выращиванием опийного мака и мытьем золота на Пяндже. Несмотря на сравнительно молодой возраст – тридцать пять лет, – выглядел он как старик. Жаркое солнце летом и холод зимой, непосильный труд и вечная забота, как накормить семью из тринадцати человек, старили быстрее, чем годы.

– Долго еще? – спросил сидящий рядом человек в темных очках.

Он говорил на дари, но легкий акцент и странные ударения выдавали в нем иностранца.

– Почти приехали, – сворачивая с дороги, ответил Салман. – Отсюда нужно идти пешком.

Машины остановились за небольшой скалой. Вышедшие из них люди были вооружены. У каждого автомат Калашникова. По тому, как металлические детали блестели, лишившись в процессе времени и эксплуатации воронености, можно было предположить, что хозяева этого оружия не расстаются с ним уже годы.

Несколько человек остались у машин. Салман, его пассажир и еще один вооруженный афганец направились на север. Через полкилометра они вышли к реке. Накануне прошли дожди, и вода в Пяндже была грязно-желтой. Салман, как только они оказались на месте, откуда хорошо было видно соседний берег, протянул своему пассажиру бинокль.

Взяв его, тот долго разглядывал горы, кишлаки, заставу и дорогу, серпантином спускающуюся к ней.

– Ты часто бываешь там? – не глядя на Салмана, спросил мужчина в очках и вернул бинокль обратно.

– Раньше и недели не проходило, родственников навещал, – вздохнул таджик. – Сейчас совсем редко. Опасно стало очень.

Спутник Салмана удивленно посмотрел на него.

– Солдаты теперь там все местные таджики. Неужели деньги были потрачены зря и они охраняют границу лучше неверных?

– Нет, – Салман отрицательно покачал головой. – Дело не в этом. В местных кишлаках много развелось бандитов. Могут убить за килограмм ханки. У них, почти как и здесь, работы нет, денег тоже нет. Растить мак, как мы, они не могут. Если найдут плантации, в лучшем случае посадят.

– Среди таджиков есть наркоманы?

– Мало, – Салман покосился на вооруженного провожатого человека в очках. – Чарз курят многие.

– Представь, Салман, – мечтательно вздохнул его спутник, – если всех русских приучить к наркотику. Даже президента. Через несколько лет они отдали бы нам свои земли взамен героина, а за дозу были бы нашими рабами.

Несмотря на то что араб шутил, малограмотный Салман, познания которого в географии заключались в знании приграничного Таджикистана и окрестностей Мазари-Шариф, принял шутку аль-Масуда, окончившего в свое время Университет дружбы народов и Кембридж, всерьез:

– Нужно садить много мака...

* * *

На следующий день после встречи с генералом Родимовым Антон Филиппов уже был в Санкт-Петербурге, откуда вертолетом его доставили на территорию учебного центра Генерального штаба, расположенного недалеко от Выборга, почти на самом берегу Финского залива.

Начальника центра полковника Стодиревского он встретил сразу у вертолетной площадки.

– Филиппов! – полковник, узнав Антона, улыбнулся. – Мне про тебя уже сообщили. Значит, теперь в новом качестве к нам – инструктор?

– Инструктор – громко сказано, – смутился Антон. – На правах временного консультанта.

– Сдается, слово «временного» у тебя в предложении лишнее. – Стодиревский явно был в хорошем расположении духа, и ему хотелось непринужденного веселого разговора. – Забыл уже правило: «Вход – рубль, выход – два»?

– Это на меня не распространяется, – Антон засмеялся. – Теперь я – совершенно посторонний для вас человек.

– Ладно. – Лицо полковника сделалось серьезным. – У меня вообще-то времени мало-вато. Вертушку разгрузить надо, груз принять. Жить будешь в гостинице. Ключ от номера возьмешь у сержанта...

– Извините, – перебил его Антон. – У меня вообще-то к вам просьба есть по этому поводу...

– Что, форму хочешь набрать или проверить себя? – догадавшись, о чем речь, улыбнулся Стодиревский.

– И то, и другое, – кивнул головой Антон. – А как догадались?

– Не ты первый. – Толкнув указательным пальцем в козырек фуражки, он сдвинул ее на затылок. – Тут недавно Родимов, шеф твой бывший, фокус отмочил. Решил полосу препятствий пройти. На девятом километре сердце прихватило. Прямо в болоте. Ни на машине не подъехать, ни вертушкой зацепить. Пришлось на руках выносить.

– Немудрено, – Антон вздохнул, – седьмой десяток мужику, куча ранений...

– В общем, с группой я тебя разместить не могу, не имею права. А так, – полковник пожал плечами, – будут занятия, посмотрим. Пока валяй все же в гостиницу.

Сокрушенно вздохнув, Антон направился в сторону одноэтажного кирпичного здания, видневшегося за деревьями, больше напоминающего барак, чем гостиницу для инструкторов и руководителей учебного центра.

Номер был одноместный. Письменный стол, стул, кровать, телевизор.

Инструкторы размещались обособленно в связи со спецификой учреждения. Жизнь здесь отличалась жестким режимом секретности, ограниченным временем на подготовку к занятиям, напряженным и плотным графиком работ. По крайней мере, так было раньше, когда на этих гектарах болот, леса, развалин старой текстильной фабрики и полигона из Антона лепили разведчика-диверсанта.

Обучаемые жили тогда примерно так, как бы это пришлось в тылу противника. Прибывшая для подготовки группа уходила в лес с тем багажом, который был положен при выполнении боевых задач, и выходила оттуда только через два месяца. Все это время контакт с цивилизацией осуществлялся лишь на лекциях, которые проводились в аудиториях учебного корпуса. Зачастую спецназовцы не имели возможности видеть даже лица преподавателя, который вел занятия, находясь за матовым стеклом.

«Сейчас, наверное, все изменилось, – подумал Антон. – Наверняка и руководители стали лояльней, и групп готовят меньше...»

Новый день Филиппов начал с пробежки. Сделав круг по городку, на территории которого, кроме гостиницы, было несколько учебных корпусов, казарма роты обеспечения да пара двухэтажных кирпичных домиков для семей офицеров, проходящих службу на полигоне, он вернулся в номер и принял душ.

Столовая на несколько столиков располагалась недалеко от гостиницы. Несмотря на то, что Антон был уже давно сугубо гражданским человеком и не имел продовольственного аттестата для бесплатного питания, Родимов оформил его как офицера запаса, призванного на военные сборы.

На завтрак была гречка, котлеты, чай, масло. Все согласно нормам суточного довольствия.

Плотно поев, он еще некоторое время сидел, не спеша попивая чай, надеясь увидеть среди пришедших на завтрак офицеров бывших сослуживцев.

Однако здесь его ждало разочарование. Люди были абсолютно ему не знакомы. Более того, среди сидящих в зале лишь единицы имели синие ромбики учебных заведений Министерства обороны. У большинства нагрудные знаки говорили о том, что их владельцы окончили гражданские вузы. Так называемые «двухгодичники» – выпускники институтов отбывали своеобразную воинскую повинность в течение двух лет. Антон знал, что зачастую лишь единицы из сотен таких офицеров приносят армии пользу. Остальные ждут увольнения, избегая как подчиненного личного состава с их проблемами, так и своих начальников.

И все-таки его ожидание было вознаграждено. Несмотря на большие залысины и сильно загорелое лицо, в усатом майоре, усевшемся напротив, он безошибочно угадал своего однокурсника Коваленко Алексея.

«Интересно, узнает или нет?» – подумал он, решив для начала не выдавать себя.

Однако Коваленко, несколько раз бросив на него взгляд, никак не отреагировал, продолжая с аппетитом поедать завтрак.

– Неужели я так сильно изменился? – не выдержал наконец Филиппов.

Задержав ложку у рта, Лешка расплылся в улыбке:

– Антон! – Откинувшись на спинку стула, Коваленко наклонил голову набок и, словно не веря своим глазам, некоторое время с удивлением разглядывал однокашника. – Вот так встреча! Каким ветром?

Перегнувшись через стол, он потрепал Филиппова за плечо.

– К знакомому заехал. Он здесь служит, – соврал на всякий случай Антон, когда эмоции улеглись.

Мало ли что. С момента расставания прошло уже много лет. Время меняет людей, и зачастую не в лучшую сторону. Кем сейчас работает Коваленко, что он за человек? Поэтому Антон решил особо не откровенничать, справедливо считая, что всему свое время.

– Я же после училища через год в Афган попал. – Лицо Алексея сделалось серьезным. – За месяц до вывода разведывательную роту в мотострелковом полку принял, а через неделю – подрыв... Почти год по госпиталям. Оклемався, вернулся в свой родной полк, который после вывода был расквартирован в Таджикистане. Там мотострелковый батальон... Как раз события эти начались... Опять война. Сейчас в оперативном отделе штаба дивизии.

– А здесь как оказался? – удивился Антон, постепенно начиная догадываться, зачем ГРУ понадобился старый вояка из Средней Азии.

– Сам толком не могу понять, – пожал он плечами. – Занятия с кем-то проводить откомандировали. Темы что-то вроде «Особенности театра военных действий по месту дислокации войск».

– Даже так? – усмехнулся Антон, окончательно придя к выводу, что уже точно знает, где будут в этот раз его коллеги пытаться прервать кровавый вояж Черного Принца.

Глава 2

После утреннего намаза аль-Масуд, он же Черный Принц, а по документам, ничем не отличающимся от настоящих паспортов Узбекистана и Таджикистана, – Анвар Худайбердиев, Соли Вахидов, – вошел в дом, где поселился несколько дней назад.

Поднявшись на второй этаж в свою комнату, он растянулся на полу, застеленном курпачой – тонким стеганым матрасом, – подложив под правый бок подушку, и, взяв пульт дистанционного управления, включил телевизор.

Кассета, привезенная накануне вечером одним из его людей, была уже вставлена в видеомагнитофон. На экране старенького «Панасоника» появилась наблюдательная вышка российских пограничников. Затем ее сменила другая картинка –двигающийся вдоль проволочного ограждения наряд. С него оператор перевел объектив видеокамеры на вершину горы, где был оборудован наблюдательный пост «Тург».

Масуд внимательно, во второй раз, изучал запись, сделанную на Хорогском направлении таджикско-афганской границы. Изображение было не ахти каким. Слегка рябило. Виной всему старый генератор, трещащий сейчас во дворе и обеспечивающий электричеством дом Салмана.

Он не изменил своего положения и даже не повел бровью, когда бесшумно появившаяся женщина постелила на полу квадратный кусок чистой материи между лежащими вдоль стен курпачами – дастархан – и сразу выложила на его середину лепешку. Одновременно зашел средний сын Салмана с кувшином, небольшим тазиком и полотенцем.

Аль-Масуд, не сводя взгляда с экрана, сполоснул руки, помял полотенце и едва заметно, кивком головы, поблагодарил подростка.

Вошел Салман. Поздоровавшись, уселся рядом.

– Я решил совершить переход в том месте, где мы были вчера. – Масуд отключил телевизор и, бросив пульт в сторону, посмотрел на своего проводника. – От кишлака Парвар, через Анджероб, хорошая дорога до Душанбе.

– Она идет через Куляб, – заволновался Салман, – там наши враги.

– То, что они не признают ваххабизм, не говорит о том, что они не мусульмане. А мы идем, чтобы помочь им понять истину.

Вновь появившаяся в комнате женщина выставила перед Масудом блюдо с пловом и косушку с чакой – большую пиалу, наполненную кислым молоком, обильно перемешанным с зеленью.

Салман задумался. Взяв лепешку, он аккуратно преломил ее, затем взглянул на хозяина:

– Ваши люди сегодня брили бороды. Зачем так рано? Могут обратить внимание, а у русских хорошо работает разведка.

– Они больше никуда не будут выходить до самого перехода. А сейчас надо, чтобы подбородки загорели и не отличались от всего лица.

Масуд несколько лет готовился к проведению этой операции. Продолжая финансировать чеченских моджахедов, несмотря на обреченную на провал авантюру отделения Ичкерии от России и создания там исламского государства, он подбирал людей, знающих русский язык и бывавших в этой стране. Кроме этого, они должны были уметь хорошо обращаться с оружием, в совершенстве знать военное дело, иметь крепкое здоровье и быть фанатиками.

Как это всегда бывает, одновременно всеми качествами не обладал никто. Масуд был вынужден создать лагерь подготовки боевиков. Привлечь туда лучших специалистов и религиозных деятелей. Затраты были огромны. За год он потратил около полутора миллионов долларов, чтобы увидеть своих воинов такими, какие они сейчас есть.

С самого начала отряд Масуда насчитывал около сорока человек. Теперь в нем было всего четырнадцать. Остальные погибли в Ираке, сложили головы, защищая режим Хусейна

под Басрой. Вообще мысль «обкатать» своих воинов Масуд сейчас считает опрометчивой. Они с трудом вышли из окруженного американскими войсками города и кое-как покинули территорию потерпевшей поражение страны...

Параллельно с его людьми в нескольких местах совершат переход границы наркокурьеры. Чистейший героин, с обозначенными на упаковках тремя семерками, говорившими о высшем качестве товара, также пойдет на осуществление его замыслов. Деньги, довольно внушительные суммы, уже в России.

– Вы слышали, десять лет назад недалеко от того места, где мы были вчера, наши братья разбили целую заставу русских? – оторвал его от размышлений голос Салмана.

Араб кивнул головой:

– Многих из этих людей я знал, – едва слышно ответил он и, полуприкрыв веки, задумался.

Среди нападавших рано утром на двенадцатую заставу моджахедов был его друг Хаттаб. Масуд давал ему много денег на войну с неверными. Это был храбрый воин. Совсем недавно он погиб в Чечне... Может, и Масуду уготована такая же судьба – быть погребенным не на родине предков, а где-то на чужбине...

Он вздохнул:

– Как спадет вода, начнем переход.

* * *

Несмотря на то что майор Аджимамбетов Ридван Мансурович, тридцатилетний татарин, не верил ни в бога, ни в черта, он имел прочно закрепившееся прозвище Ангел, впоследствии ставшее его позывным.

Так окрестили его после проведения им нескольких успешных операций по вызволению из плена в Чечне российских военнослужащих и иностранного телерепортера. Причем одного лейтенанта удалось спасти уже по дороге к месту казни.

Родом Ридван был из Казани. Не понаслышке знал, кто такие «казанские», что такое «моталка». Сам, в пик разгула молодежных группировок в городе, участвовал в массовых драках, ездил «покорять» Москву. Неизвестно, чем бы все обернулось для круглолицего, со сросшимися на переносице черными бровями татарчонка, если бы не дядька, едва ли не силой отправивший его после окончания школы на Дальний Восток в танковое училище. Аджимамбетову очень понравилась будущая профессия. Это было единственное своего рода заведение, где готовили офицеров-танкистов для морской пехоты. Окончив его на «отлично», став мастером спорта по офицерскому многоборью, он попал на Тихоокеанский флот, а через год лейтенанту была предложена служба в элитном подразделении ГРУ. Без колебаний Ридван согласился.

Сейчас, сидя на поваленном дереве, Аджимамбетов наблюдал за тем, как его новые подчиненные чистят оружие.

– Березин! – окликнул он худощавого старшего лейтенанта, выполняющего в группе функции снайпера. Почистив бесшумный снайперский комплекс, сокращенно – БСК, тот закинул его за спину и, прислонившись плечом к стволу огромной сосны, принялся прямо на себе зашивать рукав куртки. – Ветошь и тряпку, на которой чистил, необходимо спрятать, а не бросать. Она может вывести на след группы.

Собрав с травы мусор, Березин сунул его внутрь гнилого бревна, на котором сидел Ангел, и засыпал дупло прошлогодней листвой.

Аджимамбетов бросил взгляд на часы. Через двадцать минут нужно быть в классе.

– Закругляемся. – Дождавшись, когда спецназовцы соберут свои «каштаны», он поднялся с места. – Бегом марш!

Группа, состоявшая из четырех офицеров и трех прапорщиков, бесшумно, словно привидения, растворилась среди деревьев, не оставив после себя никаких следов...

Антон и Ангел сразу узнали друг друга, но виду не подали.

Дождавшись, когда группа рассядется по своим местам, а у каждого в этом небольшом помещении был индивидуальный стол, Филиппов представился и приступил к занятиям. Объяснив тему, цель, учебные вопросы и порядок их отработки, он поинтересовался, слышал ли кто из присутствующих о Черном Принце.

Как Филиппов и предполагал, прошедшие почти все горячие точки офицеры даже не подозревали о существовании этого араба, несмотря на то, что им финансировалось большинство войн, в которых они участвовали.

Вечером того же дня Аджимамбетов заглянул в номер Филиппова.

– Не ожидал тебя увидеть, – пожимая руку, хмыкнул Ридван.

– Я и сам не рассчитывал здесь снова оказаться, – усмехнулся Антон. – Да еще в новом качестве. Давно эту группу сколотили?

– Почти полгода назад, – ответил Ридван. – Сначала под Москвой натаскивали, а на боевое слаживание сюда привезли.

– Все новенькие? – осторожно поинтересовался Антон.

Вопросы такого характера уже выходили за рамки дозволенного. Однако Ангел даже не повел бровью:

– Трое из старого состава, трое молодых. Те, кто раньше работал, подключились недавно. Прямо из Чечни неделю назад приехали.

Парни Аджимамбетова на последнем этапе подготовки жили в условиях, максимально приближенных к боевым. Для отдыха были оборудованы специальные укрытия в земле, которые практически невозможно обнаружить снаружи. При их устройстве диверсанты-разведчики относили и ссыпали землю в ручей, находящийся в нескольких сотнях метров.

Основные продукты питания – то, что давала природа. Огнем практически не пользовались. Теоретические занятия на этапе боевого слаживания прекращаются. С утра до вечера переходы, засады, ведение разведки и элементарное выживание. На этом же этапе инструктажи по планируемой операции.

Естественно, после такой подготовки предоставляется некоторое время для восстановления сил и отдыха, после чего группа убывает в район выполнения задачи.

Проговорив до полуночи, Антон распрощался с Ридваном, пожелав тому удачи. На следующий день Ридван должен был покинуть центр...

Утро было пасмурным, но дождя не было. Бесцельно провалявшись полдня перед телевизором, после обеда Антон попросил разрешения у Стодиревского позаниматься на стрельбище.

– Что, потряхнуть стариной хочешь? – улыбнулся начальник центра. – Ну что же, давай.

Стрельбище, или полигон для отработки приемов и способов поражения противника из стрелкового оружия, отличалось от привычных. Здесь не было обычного огневого рубежа и мишенного поля. Шестикилометровый маршрут, проходивший по пересеченной местности с встречающимися на пути водными преградами, болотами и с почти отвесной скалой, нужно было преодолеть за пятьдесят минут, поразив при этом пятнадцать мишеней, которые могут появиться, или, как здесь было принято говорить, «выскочить» в любом месте и на любом удалении. Исходя из количества целей и расстояния до них спецназовец должен молниеносно определить тип оружия для поражения: автомат, пистолет, нож, граната. При этом не напороться на учебную растяжку или мину. Заканчивалось упражнение стрельбой из БСК.

Антон успешно преодолел маршрут. Ему даже показалось, что только вчера он сдавал подобный экзамен. Единственная разница была в оружии. Вместо привычного автомата Калашникова теперь ему выдали современный «каштан».

Сразу после старта из-за бугра, буквально в двадцати метрах, появилась ростовая мишень. Выстрел, и надувной муляж мужчины в чалме из прорезиненной ткани сник, медленно опустившись на кустарник. Через двести метров, в пяти шагах справа, еще цель – силуэт ростовой фигуры на деревянном щите. Сделав шаг назад и присев, Антон привычным движением вынул нож. Бросок, и он на одну треть вошел в область грудной клетки «условного противника». После преодоления «скалы» руки ходили ходуном, а глаза застилал пот, тем не менее на две возникшие фигуры ему понадобилось всего три выстрела.

– Хорошо идешь, – услышал он в наушнике переговорного устройства голос Родимова. – Как будто вчера уволился.

Антон понял, что генерал приехал на стрельбище и сейчас наблюдает за ним, стоя у пульта на вышке руководителя стрельбы, куда стекается информация.

– Стараемся, – выдавил Антон, поправив тонкий микрофон и едва не попался на мишень-уловку, появившуюся из-за бугра – женщина с грудным ребенком на руках. Он уже поймал ее переносицу на кончик целика, когда понял подвох.

Чертыхнувшись, бросился дальше.

Упражнение из бесшумного снайперского комплекса, который ему вручили на огневом рубеже вместе с фотографией цели, он выполнил блестяще. Цель появилась уже на двадцатой минуте. Филиппов уже успел прийти в себя после марш-броска и успокоиться.

Подошел Родимов:

– Я, честно говоря, не ожидал от тебя такой прыти.

– Это я с перепугу, – улыбнулся Антон, возвращая инструктору, подошедшему вместе с генералом, оружие и разгрузку.

Дождавшись, когда офицер уйдет, унося снаряжение, генерал не спеша направился в сторону дороги, на которой стояла уже знакомая Антону «Волга».

– Вы из Москвы сюда на машине приезжаете? – удивился Филиппов.

– Ночью получены новые данные о местонахождении Черного Принца, – не обращая внимания на удивление Антона, заговорил генерал. – Разведка «зеленых» поделилась информацией, которая повлияла на время подготовки группы Ангела. Они уже на пути в Москву.

Антон некоторое время шел молча. «Зелеными» они издавна называли пограничников. По цвету фуражек.

Значит, он ошибался, думая, что араб где-то на территории СНГ. Со слов генерала Филиппов понял, что тот в Афганистане и, судя по всему, готовится перейти границу с Таджикистаном.

– Раньше он проходил через Грузию, – задумчиво проговорил Антон. – Интересно, с чем связано изменение привычного маршрута?

Они дошли до машины. Филиппов открыл перед генералом заднюю дверь и вопросительно посмотрел на него. Тот неопределенно пожал плечами, не торопясь усаживаясь в машину, зачем-то потер мочку уха.

– Сдается мне, решил наш старый знакомый расширить сферу деятельности за пределы Чечни. России сейчас совсем нехоти дестабилизация обстановки в том же Таджикистане. Итак, граница трещит по швам... Прут и оружие, и наркотики... Если еще внутри республики снова стрелять начнут, то это уже никуда не годится.

В машине всю дорогу к гостинице оба молчали...

– Вы для чего на стрельбище приезжали? – спросил Антон, когда они очутились в его номере. Он чувствовал, что появление генерала вызвано необходимостью пообщаться именно с ним и, судя по всему, истинной причины Федор Павлович еще не открыл.

– Во-первых, хочу предложить тебе составить мне компанию на обратном пути до Москвы, – усаживаясь на стул и, снимая с головы фуражку с высокой тульей, ответил Родимов. – А во-вторых, узнать, нет ли желания на полулегальных основаниях прокатиться в Душанбе. Тем более у тебя уже есть легенда. – Он, хитро прищурившись, посмотрел на Антона.

– Поездка к бывшему сокурснику, – усмехнулся Филиппов, вспомнив встречу в столовой. – Вам уже успели доложить?

– Ну зачем же сразу бросаешься такими словами, – генерал откинулся на спинку стула и обиженно посмотрел на Антона. – Я никому не поручал следить за тобой. Просто ты должен понимать, что есть люди и структуры, в обязанности которых входят эти функции, и они честно отрабатывают свой хлеб. Каждый находится на своем месте.

– Я вас обидел? – смутился Филиппов, прекрасно понимая, что сморозил глупость. – Извините. Просто удивило, что такая скоротечная встреча была замечена. Может быть, будете кофе? – неожиданно предложил он, пытаясь сгладить неловкость.

Родимов отрицательно покачал головой и, хрустнув суставами, поднялся со стула:

– В общем, через час встречаемся на КПП.

Глава 3

Сбежав по ступенькам пограничной комендатуры, Ангел неожиданно остановился, залюбовавшись грандиозным зрелищем захода солнца.

Самого светила как такового уже видно не было, оно спряталось за ближайший перевал. Однако небо, скалы и редкие облака – все озарилось розовым свечением.

– Красиво? – усмехнулся вышедший следом начальник заставы капитан Еремин.

– Как на Марсе. – Ангел ответил так, словно действительно был на той далекой планете.

– А мне эта красота уже поперек горла, – вздохнул пограничник. – Поехали?

Выйдя через несколько километров из «уазика» на небольшой возвышенности, Еремин прищурился и, окинув взглядом окрестности, указал на белеющие в нескольких километрах дома, беспорядочно разбросанные на склоне горы:

– Кишлак Парвар, чуть правее – Саринамак. В них появилось несколько машин. Три «Нивы» и джип «Тойота-Лендкрузер». Владельцы не местные, но таджики. Распустили слух, будто это родственники приехали к родне на туй. Обрезание, – пояснил пограничник.

– Знаю, что это такое, – усмехнулся Ангел. – Я татарин. Покажешь, в каких дворах машины. Сделаем так, что, даже если у меня на той стороне ничего не срastется, у тебя будет возможность остановить эти тачки в укромном месте. Здесь ведь одна дорога через перевал?

Пограничник утвердительно кивнул головой...

На заставе основная масса солдат срочной службы из Таджикистана. Большая часть из них проживала в близлежащих кишлаках. Для проходивших службу российских офицеров-пограничников не было секретом, что основной доход у поголовно неработающего населения – наркотики. Если по причине молодости призванные на службу таджики сами еще не втянуты в наркобизнес, то по крайней мере их родственники этим занимались.

Становилось понятным, почему большая часть операций по задержанию наркокурьеров проваливалась. Утечка информации была больным местом границы.

В засады в основном ходили офицеры и прапорщики с контрактниками, призванными из России, которых можно было пересчитать по пальцам, но и это давало малый эффект.

Не осталось бы без внимания появление и группы неместных военных без каких-либо знаков различия. Этот факт, несомненно, насторожил бы местное население. Зная, что Черный Принц готовит переход на данном участке, Ридван был уверен – здесь сейчас ведется активное изучение обстановки.

Беря эти моменты во внимание, он отказался от предложения Еремина поселить своих людей на территории заставы. На первое время группа разместилась подальше от посторонних глаз, в небольшой горной расщелине, по дну которой бежал ручей. Нависшая над ровной гранитной площадкой скала днем спасала не только от палящих лучей солнца, но и от случайных глаз изредка появляющихся здесь людей. Потратив немного времени на ликвидацию жившей здесь змеи и обозначив границы своего жилища кусками придавленной камнями бараньей шерсти, отпугивающей скорпионов, они провели первую ночь в Таджикистане.

* * *

Антон опрометчиво решил добираться до Душанбе поездом. Выдержки, физической выносливости и спокойствия с трудом хватило на это путешествие. Он и представить себе не мог, что в двадцатом веке столкнется с первобытным невежеством на железной дороге. Со слов ехавшего с ним пожилого узбека он знал, что этот поезд часто задерживают на неопре-

деленное время. Санэпидемиологи России – за антисанитарное состояние, а пограничники – из-за наркотиков.

Самый настоящий кошмар начался, когда пересекли границу с Таджикистаном. Вагоны, в прямом смысле, брали штурмом. О билетах здесь не было и речи. С баранами, баулами, огромными сумками народ лез в купе через окна, где не были наварены решетки. Люди забивались в проходы и в тамбуры.

Линия была неэлектрифицирована, и на изгибах дороги Антон замечал людей на крышах вагонов.

Поезд едва тащился. Несмотря на то что еще в Москве, при посадке, Антон обратил внимание на отсутствие стоп-кранов, каким-то образом состав десятки раз останавливали.

Проводники закрылись у себя в купе и не высывались, опасаясь, по-видимому, что могут лишиться возможности ехать сидя в своем вагоне.

В купе, где ехал Антон, втиснулось около десяти человек.

– Слышь, русский! – Антона ощутимо и бесцеремонно толкнули в бок: – Место дай, а!

Оторвавшись от своего занятия, он посмотрел на наглеца. Среднего роста, наголо бритый крепыш в тубетейке, с почерневшими от жевательного табака зубами, стоял, держась руками за верхние полки, и зло смотрел на Антона.

Гвалт и шум в купе вмиг стихли. Все с замиранием ждали развязки.

– Ты мне? – Антон фыркнул. – Я, между прочим, в этом купе с самой Москвы еду.

– Место дай! – словно заевшая пластинка, но уже с угрозой в голосе повторил крепыш.

– Ты что, – Антон усмехнулся, увидев, как глаза таджика наливаются кровью, – меня не понимаешь?

Из-за спины нарушителя спокойствия показалась голова еще одного парня с большими оттопыренными ушами. Он был с виду слабее, но на голову выше крепыша в тубетейке.

Филиппову стало не по себе. Один в переполненном таджиками вагоне. Выбросят где-нибудь, и хана! Однако мужская гордость взяла верх. Он брезгливо усмехнулся и вновь отвернулся к окну.

И когда его толкнули в затылок, Антон мощным ударом кулака в переносицу в буквальном смысле слова перевернул крепыша в воздухе. В бой поспешил ушастый. Принял непонятную боевую стойку, по-видимому, из какой-то книги о восточных единоборствах. У Антона эти потуги вызвали лишь улыбку. Перехватив запястье незадачливого каратиста, он вывернул ему руку с такой силой, что послышался звук рвущихся связок и хруст выворачиваемых суставов. С диким криком ушастый сначала выгнулся, встав почти в гимнастический мост, а затем рухнул на пол. Прижав поврежденную руку к груди, громко охая, «каратист» отползал к дверям. Началась паника. Несмотря на то что коридор был также забит людьми, ехавшие с Антоном пассажиры бросились прочь, и через некоторое время в купе осталось лишь несколько человек. Он закрыл дверь на замок и защелку.

– Они еще до Душанбе выйдут, – улыбнувшись беззубым ртом, проговорил сидящий напротив старик. – Так что не бойся.

– А я и не боюсь, – ободренный сочувствием и поддержкой, пожал плечами Антон.

– Совсем эти гармские оборзели, – тяжело вздохнул с верхней полки грузный мужчина...

На перрон душанбинского вокзала Филиппов ступил на несколько часов позже времени, указанного в расписании, поздно вечером.

За весь период службы в армии столицу Таджикистана он посещал несколько раз. Этот беспокойный в начале девяностых прошлого века город был ему хорошо знаком, впрочем, как и остальные таджикские города – Курган-Тюбе и Куляб.

Осмотревшись на привокзальной площади, он направился на остановку такси, однако не успел сделать и несколько шагов, как невесть откуда взявшийся средних лет мужчина преградил ему дорогу:

– Машина нужна, командир? – Он во весь рот улыбался. – Поехали, вон моя «ласточка».

Старая «Волга» трещала и вибрировала так, что Антон уже успел смириться с мыслью – до улицы Путовского, где проживал его сокурсник, они вряд ли доедут. Однако он понапрасну волновался. Воня пропаном, стреляя и надрывно дребезжа, машина уверенно двигалась к цели.

– Служишь здесь? – Таджики с интересом посмотрел на Антона.

– Служу, – кивнул он головой, глядя в окно.

– А живешь где?

– В Москве, – ляпнул первое пришедшее на ум Антон.

Он знал, что водителю безразличны его ответы, и поддерживал разговор ради приличия, отвечая иногда даже невпопад. Хотя было желание отправить его куда подальше, да мешало суеверие – первый день в чужой стране начинать с ссоры – плохая примета. Однако неприятности избежать не удалось.

В темноте Антон не видел, как оценивающе косился на него водитель во время разговора. Не доезжая с километр до рынка, рядом с которым жил товарищ, машина вдруг, несколько раз дернувшись, встала. Таксист нарочито громко выругался на своем языке, ударив по баранке руками, и, выйдя из машины, открыл капот.

Было очень темно. Город почти не освещался, поэтому Антон лишь по скрипу мелких камешков об асфальт понял, что водитель подошел со стороны его двери. Зная, на что способны люди, измотанные междоусобными бойнями, голодом, разрухой в стране и при этом содержащие, как правило, огромные семьи, он не стал испытывать судьбу и разбираться, зачем таджику понадобилось обходить машину, соблюдая при этом осторожность. С силой толкнув дверь, он выкатился из машины, пружинисто подскочил на ноги и ударил ногой по силуэту человека.

Послышался звук упавшего металлического предмета на асфальт. «Пистолет!» – мелькнула у Антона мысль. Схватив водителя за руку, он развернул его к себе спиной, отступил на шаг назад, уводя от места, где упало оружие и одновременно роняя на спину. Оба молчали, громко сопя, с исступлением вкладывая силу в противоборство. Когда Антон почувствовал, что мужчина прижат спиной к земле, он несколько раз, приподняв, ударил его головой об асфальт. Тело обмякло. Выпрямившись, быстро нашел лежащий у колеса пистолет «ТТ», еще советского производства. Довольно грозное оружие по сравнению с китайской копией, в основном используемой киллерами для разового отстрела.

Тем временем послышались стоны, и таксист зашевелился.

– Что, мудак, – Филиппов слегка поддел его носком ботинка. – Ограбить меня решил?

– Прости, брат, – запричитал тот. – Не убивай! Что хочешь для тебя сделаю!

– Сколько же ты так людей перемочил? – словно сам к себе обращаясь, спросил Антон.

Он знал, ехать одному опасно. Об этом его предупредил и Родимов, рассказавший, что за российскими военнослужащими, кем он и представился водиле, в республике идет настоящая охота. Получающие по местным меркам баснословные деньги россияне часто становятся жертвами разбойных нападений...

Забрав вещи и оставив таксиста у машины, Антон направился дальше пешком.

– Сумасшедший, – коротко и лаконично оценил поездку по ночному Душанбе Коваленко. – Можно было позвонить, я бы тебя встретил.

Он снимал комнату в небольшом частном доме рядом со штабом, на пару со своим товарищем. Тот как раз оказался в наряде, и Антон расположился на его кровати.

– Я у тебя до утра. – Филиппов испытующе посмотрел на товарища. – Никто не должен знать, что к тебе кто-то приезжал.

Алексей догадывался: приезд Антона связан с недавними мероприятиями под Санкт-Петербургом, и, не став задавать лишних вопросов, лишь понимающе кивнул головой.

* * *

– Значит, ты решил брать его здесь? – задумчиво проговорил Антон, выслушав доводы Ридвана о том, что идти на ту сторону Пянджа бессмысленно.

– Да, – кивнул головой тот. – Вода большая, а где он пойдет, одному богу известно. Здесь же машины его ждут, поэтому наверняка будет намного эффективней устроить ему засаду на перевале.

Несмотря на приказ просто уничтожить Черного Принца, Ангел принял твердое решение – взять живым.

– Понимаю, – соглашаясь с ним, вздохнул Антон. – На правах нелегалов там тяжело. Ну а если засветитесь, скандал на весь мир. На машины «игрушки» удалось установить?

Ангел отрицательно покачал головой:

– Во дворах, где они стоят, с утра до вечера люди, а ночью собаки. Есть риск засветиться, а араб очень осторожный. Вспугнем, и считай, зря прокатились...

Немного поднявшись в гору, Антон с Ридваном расположились на огромном, кирпичного цвета валуне. На одном уровне с ними, на склоне соседнего хребта, находился кишлак, куда, по всем расчетам, в ближайшее время явится Черный Принц. Там же находились и машины, на которых араб должен был продолжить свой путь в глубь Таджикистана и на которые люди Ангела безуспешно пытались прошлой ночью установить радиоуправляемые взрывные устройства.

С утра в Кулябе – небольшом городе, расположенном в семидесяти километрах от границы, Антон нашел человека, согласившегося за деньги довезти его до тринадцатой заставы и, дождавшись, когда тот решит свои дела, забрать обратно. Необходимость рискованной поездки объяснил проводнику тем, что здесь служит его брат, которого давно не видел, впрочем, того это и не особо интересовало. Платят и ладно, а зачем поехал туда этот русский, за наркотиками или просто полюбоваться природой, ему было абсолютно безразлично. Звали этого таджика Эльхом. За месяц он делал по пять-шесть подобных рейсов. Его знали на всех милицеских блокпостах, где также руководствовались принципом: платят – пропускай, а куда и зачем, вопрос в этих краях лишний и неуместный.

– Поступим следующим образом, – проанализировав ситуацию, заговорил Антон. – Ты с ребятами уходи в горы и устраивай засаду на перевале. Выбери место, чтобы ни местные, ни пограничники об операции не узнали. На проведение такого мероприятия нужно разрешение чуть ли не МИД Таджикистана, а это явный провал. Я же договорюсь со своим водителем и останусь. За деньги он согласится ждать меня хоть до самой старости, – усмехнулся Филиппов, вспомнив глаза уже немолодого мужчины, когда тот узнал, сколько готов выложить клиент за поездку. – Когда араб начнет движение, я пристроюсь сзади. Атакуй в лоб и с флангов, а дорогу мы перекроем сзади моей машиной.

– Идет, – немного подумав, кивнул головой Ангел, одновременно разворачивая на коленях карту. – Место придется искать такое, чтобы поблизости вертушка зацепиться смогла. У меня эвакуация по воздуху запланирована. – Он поднял на Антона вопросительный взгляд: – После всего ты с нами?

Филиппов неопределенно пожал плечами:

– Хотелось бы...

* * *

После разговора с Ридваном Антон направился в горы.

Облюбовав расщелину намного выше кишлака Парвар с таким расчетом, чтобы видеть дворы, в которых находились машины, приехавшие из Душанбе, он принялся отмечать про себя все, что дало бы возможность установить время появления Черного Принца или хотя бы отъезда машин. То, что выезд будет в светлое время суток, сомнений не было. Только сумасшедший может пойти на такую авантюру ночью, поэтому с наступлением сумерек он укладывался спать. Несмотря на это, к концу третьих суток его одолевала страшная усталость. Особенно болели от напряжения глаза. Лишь изредка спускаясь к небольшому ручейку, чтобы набрать воды, Антон неотрывно следил за селением, пытаясь определить, появился долгожданный гость или нет.

«Наверняка местные даже не знают о его прибытии, и даже что это за „штучка“, – рассуждал он, глядя на копошившихся внизу человечков. – Одно, максимум два доверенных лица из числа встречающих, и то навряд ли...»

До сегодняшнего дня было все спокойно. Текла монотонная размеренная жизнь. Каждый день походил на предыдущий, как у Антона, так и в Парваре, словно кто-то невидимый за ночь перематывал кассету видеомэгнитофона назад и с утра включал ее заново.

С рассветом во дворах появлялись женщины. Одни поливали землю водой и тщательно ее прометали, другие стирали и готовили еду. Судя по огромным казанам, семейства здесь, несмотря на нищету и убогость, были большими.

Восход солнца в горах позднее, чем на равнине. Ночь еще долго прячется от ранних солнечных лучей за хребтами гор. Когда утро наконец все же вступало в полную силу, двор наполнялся ребятиной. Мужчин почти не было видно.

Накануне в кишлаке действительно что-то праздновали. До глубокой ночи с одного из освещенных дворов доносилась национальная музыка, то и дело сменяемая популярными здесь индийскими песнями. Это событие еще с вечера насторожило Филиппова.

«Значит, завтра гости разъедутся, а переход, возможно, состоится сегодня», – думал он.

На следующее утро у машин действительно появились люди. Они загружали в них какие-то сумки, заливали бензин, подкачивали колеса и копошились под капотами. По всему было видно – идут тщательные приготовления к рискованной поездке. Несмотря на сравнительно небольшое, в пределах трехсот километров, расстояние, горные перевалы и серпантины представляли серьезную опасность.

Когда стало окончательно ясно, что отъезд намечен на сегодня, Антон спешно начал спуск.

Недалеко от заставы его должен был поджидать Эльхом, не пожелавший оставлять свою машину. «Нива» стояла на прежнем месте, прямо под окнами КПП заставы. Там таксист чувствовал себя относительно спокойно. Увидев Антона, он всунул ноги в пляжные тапки и выбрался из машины:

– Я думал, уже не увидимся. – Подозрительным взглядом таджик окинул Филиппова с ног до головы. Одежда Филиппова за это время сильно испачкалась. – Мы уезжаем?

– Да, – Антон забросил на заднее сиденье рюкзак. – Там я видел несколько машин. По моему, собираются возвращаться в город. Может, с ними рванем?

– Какой разговор! – Эльхом даже обрадовался такому предложению. – Дорога плохой совсем... Вместе легче...

Он принялся рассказывать о том, как уже не раз по несколько дней стоял на перевале из-за поломки, дожидаясь редкой попутки, но Антон уже не слушал его.

Теперь все зависит от Ангела. Предупредить его о выезде нет возможности. Спутниковый телефон в группе один, и то для вызова «борта».

Глава 4

Место, выбранное для засады, находилось в сорока минутах езды от Парвара. Слева по ходу движения была скала, справа – ущелье, по дну которого, на тридцатиметровой глубине, текла небольшая, но бурная речушка. Дорога не позволяла разъехаться даже двум легковым машинам. Но не эти параметры пятидесятиметрового участка сыграли основную роль. Когда-то здесь был оборудованный блокпост. Часть бетонных блоков уже свалилась в ущелье, но остатки шлагбаума и небольшой навес сохранились.

По замыслу Ридвана двое спецназовцев должны были убедительно сыграть роль бойцов якобы вновь начавшего функционировать контрольного пункта и убедиться, что в машинах действительно боевики. Это было непросто, но возможно. По каналам внешней военной разведки были получены снимки нескольких боевиков аль-Масуда. Как и ко всему остальному, разведчики очень серьезно отнеслись к изучению внешности этих людей. Каждый был в состоянии до мельчайших деталей восстановить в памяти эти лица, а при необходимости нарисовать их.

В двух шагах от предполагаемого места остановки колонны, на небольшом выступе, прямо в ущелье, Ангел решил разместить еще троих. В обязанности снайпера входило в самом начале нейтрализовать водителей, поэтому его позиция была оборудована с фронта, в десяти-пятнадцати метрах над дорогой.

Сам Ангел решил укрыться за бетонными блоками, уложенными один на другой рядом со шлагбаумом.

Потянулись дни ожидания. Пока вся группа разместилась на горе, в полукилометре от выбранного места. Отсюда хорошо просматривалась асфальтированная лента шоссе, серпантинном поднимающаяся на перевал. Автомобили, а это он проверил лично, проезжали этот участок минимум за девятнадцать минут, его людям на спуск и занятие позиций требовалось максимум десять. Это также было проверено на практике в первый день после перехода. Кроме того, каждое утро в качестве разминки они преодолевали это расстояние до дороги и обратно, поэтому каждый офицер и прапорщик знали свой маршрут и могли пройти его с завязанными глазами.

За все время нахождения здесь прошло всего полтора десятка машин, и то половина из них принадлежала либо пограничникам, либо российской дивизии, дислоцирующейся в республике, остальные же не походили на те, которые они ждали.

Наконец, на третий день, ближе к полудню, дежурный наблюдатель увидел долгожданных «гостей».

Надев переговорные устройства и быстро нанеся на лица маскирующую краску, спецназовцы выдвинулись к месту засады уже в последний раз. Не прошло и пятнадцати минут, как из-за поворота, надрывно гудя мотором, появилась первая «Нива».

Блашенков, имитирующий вместе с Титовым бойцов блокпоста, нехотя поднялся с лежащего на обочине камня и, поправив ремень автомата, вышел на середину проезжей части. Титов с полным безразличием наблюдал за происходящим. Изображая тянущего лямку нерадивого солдата, разувшись, он лежал под навесом. Таким образом они хотели притупить бдительность боевиков и выглядеть правдоподобней.

– Палку не перегни, – предостерег его шепотом Аджимамбетов, поправляя микрофон, – а то так босой в чистилище и попадешь.

Наушник «переговорки» был у Титова снят и лежал рядом, но он слышал слова командира и улыбнулся.

– Все, все на линии, – послышался голос снайпера. Это означало, что машины достигли зоны действия группы и он в состоянии поразить любого из водителей.

Ангел сидел спиной к дороге, и так же, как и те, кто находился в ущелье, не мог видеть, что там происходит. Снайпер в данной ситуации выполнял роль глаз группы.

Тем временем ехавший первым внедорожник, поравнявшись с Блашенковым, небрежно вытянувшим руку, остановился.

– Документы, – зевая, потребовал он, бесцеремонно рассматривая сидящих внутри людей, – и выйдите из машины.

Сзади скрипнул тормозами джип.

– Тит, – Блашенков посмотрел в сторону Титова, – проверь вторую!

Титов, изображая на лице недовольство, нехотя натянул ботинки и, не соизволив их даже зашнуровать, направился ко второй машине.

Звезд на погонах и других знаков различия у спецназовцев не было. Отсутствие шевронов и типичный славянский облик могли навести непосвященного на то, что перед ним солдаты-контрактники российской дивизии.

Ангел по докладам снайпера и звукам, доносившимся с дороги, пришел к выводу, что он правильно спланировал операцию и все идет, как было задумано.

Сейчас многое зависело от внимания Березина. Хорошо замаскировавшись и имея отличный обзор, тот продолжал, наблюдая через оптический прицел винтовки, описывать происходящее по ПУ. Заранее было оговорено, если в машине те, кого они ждут, документы при проверке Титов и Блашенков держат в левой руке, если нет, в правой.

– ...Тит подошел к джипу... Бланш проверяет документы, – продолжал вполголоса говорить Березин, – возвращает их левой рукой... Атака!

– Вперед! – скомандовал в микрофон Ангел и, отмерив в уме шесть секунд, ровно столько нужно было сидящим в ущелье спецназовцам для того, чтобы оказаться на дороге, а снайперу уничтожить водителей, выскочил из укрытия.

* * *

Эльхом с Антоном «Нивы» и «Тойоту» встретили на выезде из кишлака. Махнув водителю последнего в колонне внедорожника рукой, давая понять, чтобы тот остановился, таксист с минуту говорил с ним на своем языке, затем, закончив диалог фразой «Хоп, майли», удовлетворенный результатом разговора, вернулся за руль.

– До города едут. Если что, то помогут. Сказали, сломаешься – сигнал.

С полчаса ехали молча. Антон ломал голову, где устроился Ангел, ожидая встречи с ним и его людьми каждую секунду.

Неожиданно в зеркало заднего вида он заметил двигавшуюся вслед за ними еще одну машину. Желтый «уазик» не нагонял колонну, но и не отставал, держась на почтительном расстоянии. На серпантине Филиппов разглядел в нем, кроме водителя, только одного пассажира. Появилось предчувствие чего-то нехорошего.

За следующим поворотом дорога вытягивалась вдоль ущелья. Возле брошенного блокпоста он увидел двух человек в военной форме с оружием.

«Неужели здесь?» – мелькнула мысль.

Ехавшие впереди них машины остановились.

– Стой! – резко бросил он Эльхому.

Тот удивленно посмотрел на него. Дистанция между ними и колонной внедорожников была около ста метров.

– Мало ли что. Три дня назад здесь никого не было, – объяснил Антон свое требование. – Сам же видел.

Соглашаясь с ним, водитель кивнул головой и затормозил.

Люди в форме тем временем подошли к машинам и принялись проверять документы. Снизу, из-за края обрыва, показалась голова.

«Здесь! – окончательно убедился в верности своего предположения Антон. – Молодец, Ридван, лучше места, пожалуй, и не найти».

В то же мгновение в зеркало заднего вида он увидел наконец нагнавший их автомобиль. «Уазик» остановился позади них. Филиппов даже разглядел лица сидящих в нем людей. Пассажир вел себя странно. Выскочив наружу, он внимательно наблюдал за происходящим впереди и заметно нервничал.

Тем временем раздались выстрелы и крики. Хлопнула шумовая граната. Послышался звон битого стекла. Антон увидел, как спецназовцы бросились к машинам. Мгновение – и из них начали выволакивать людей.

– Стоять! – Он оттолкнул руку Эльхома от рычага переключения передач. – Сзади машина!

– Они тоже отъезжают! – не своим голосом прокричал таджик, вновь пытаясь включить заднюю скорость.

– Ну и что? – Антон выхватил пистолет, одновременно высунувшись в окно.

«Уазик» действительно быстро удалялся, сдавая задом. В окне, со стороны пассажира, появилась рука с предметом, похожим на сотовый телефон.

«Стоп! Откуда в горах мобильники?» – обожгла страшная догадка.

Он рванул из машины, однако попал ногой на камень и, споткнувшись, упал, больно ударившись локтем об асфальт. В то же мгновение словно кто-то разорвал напополам небо. Страшный грохот ударил по барабанным перепонкам, а спину обдало горячим воздухом. Антон успел увидеть, как пассажир отбросил предмет, похожий на трубку сотового, в сторону и машина принялась разворачиваться.

В тот момент ущелье загудело и все заволочло пылью, так что невозможно было разглядеть даже вытянутой руки.

* * *

– Значит, Ангел ушел туда, где ему и положено быть, – голосом, переполненным тоской и болью, проговорил Родимов, разглядывая пульт дистанционного управления взрывным устройством, который лежал перед ним в полиэтиленовом пакете. – На небо...

Не в состоянии больше терпеть и видеть, как генерал рвет себе душу, Филиппов тяжело вздохнул и, поднявшись со своего места, отошел к окну. Домой к Федору Павловичу он приехал прямо из Чкаловска, куда утром добрался самолетом военно-транспортной авиации, привезшим останки погибших спецназовцев.

– Ангела и еще троих вообще не нашли. – Не спрашивая разрешения, Антон закурил. – Мало того что взрыв был чудовищной силы, так еще и половина скалы обрушилась... Саперный батальон сутки расчисткой завала занимался.

– Что ты по этому поводу думаешь? – генерал отложил пакет в сторону и пристально посмотрел на Филиппова. – Был или не был Черный Принц в колонне?

Антон неопределенно пожал плечами:

– Вряд ли. – Он поискал глазами пепельницу на столе генерала и, затушив в ней окуроч, уселся на стул. – Подрыв осуществлял не Масуд. Я бы эту гниду узнал.

– Куда же он делся?

– Джип рвануло так, что даже снайпера, находившегося в пятидесяти метрах, с козырька сдуло.

– Немудрено, – Родимов нервно застучал пальцами по столу. – Отвесные стены ущелья сыграли роль экранов. Получилось что-то вроде направленного взрыва. Я видел видеозапись.

– Раз видели, – Филиппов поднял на него глаза, – значит, понимаете, идентифицировать после всего этого просто-напросто нечего. И все же я склонен считать, что этот чертов араб в момент подрыва уже находился в Душанбе, а это были его боевики.

Только после того, как, окончательно освободившись от груза дел, которыми был до этого занят, Антон распрощался с генералом и вышел из его кабинета, на него навалилась тоска, перемешанная с необъяснимой злостью. «В обиходе это, наверное, и есть депрессия», – бредя по улице, до ближайшей станции метро, думал он, разглядывая снующих мимо людей. И чем больше он рассматривал эти в основном сытые и довольные лица, тем больше отрицательных качеств находил в каждом, на кого падал его взор.

«Вот шлюха идет, – размышлял он, выдержав взгляд смазливой брюнетки. – Ее волнует вопрос, как сегодня вечером в ресторане удачно сняться и на халяву напиться, а в перспективе выйти замуж за богатого дурака и закатывать ему до конца жизни истерики. Этот думает, как отмазаться от армии», – проходя мимо стоящего у трамвайной остановки юноши, с досадой рассуждал он про себя. Увидев долговязого парня с холеным лицом, Антон даже скрипнул зубами, посчитав, что он наверняка «голубой».

По-видимому, его внутреннее состояние явно отражали выражение лица и походка, потому как люди, случайно бросающие на него взгляд, сторонились, уступая дорогу.

Впервые за всю жизнь у него появилось желание сорвать на ком-нибудь злость, «выпустить пар» на постороннем, невинном в его нынешнем состоянии человеке. По всей видимости, своеобразный эгоизм стал результатом нескольких лет сытой и практически беззаботной жизни на гражданке. Он прекрасно понимал, Ангел и его люди не только выполняли свой долг, но и работу. На нее они шли добровольно и получали деньги, как и эти сытые и довольные собой прохожие, встречающиеся сейчас на его пути, получают их за свою, но ничего не мог поделать с охватившими чувствами.

– Мужчина! – Его тронула за локоть невысокая молодая блондинка. – Возьмите билетик бесплатной лотереи!

«Лохотронщики! – молнией мелькнула в голове мысль, от которой он чуть не зарычал. – Вас мне сам бог послал!»

В другой раз Антон однозначно бы проигнорировал подобное предложение, но сейчас ему нужно было разрядиться.

«Я вам покажу, как из меня лоха пытаться сделать», – думал он, идя за женщиной и с безразличием глядя на обтянутый юбкой зад. Видимо, зная об этом, она принялась усердно им вилять, что лишь усилило его раздражение.

У «лохотрона» стояла еще одна участница облапошивания людей. Это была молодая девушка, по виду студентка. Но Антон прекрасно знал: за ним, затаив дыхание, наблюдают с разных точек. Вон в десяти-пятнадцати шагах и «подставная», опять же женщина, однако уже пенсионного возраста. Оно и понятно, такой не с руки хамить, да и выглядит солидно. Ее роль тоже известна, она вытянет аналогичный Антонову билет. Потом им предложат вариант, кто больше даст, того и выигрыш. Если «подставной» не будет хватать денег, то ей незаметно передадут еще. Сейчас она не спеша направлялась мимо стола. Но Филиппова не интересовали женщины, ему нужны были «быки», чтобы разрядиться.

– Ой! – воскликнула блондинка, как бы невзначай заглянув через его плечо. – Я вас поздравляю! Вы выиграли магнитолу!

Знакомая, ставшая омерзительной фраза резанула слух, но Антон продолжал разыгрывать из себя простачка, одновременно боковым зрением уже «вычислив» двух подтянувшихся парней. Плотные качки были чуть ниже его, но в плечах не уступали. Держа руки в карманах спортивных штанов, они с видом случайных зевак исподлобья наблюдали за развитием событий.

– Отлично! – Антон изобразил на лице радость. – Никогда до этого не везло.

При этом он заметил, как парни переглянулись, а лица их повеселели.

«Радуйтесь, – от всей души мысленно пожелал он им. – Долго у вас потом такой возможности не будет».

– Как же так! – раздался голос сбоку. – И у меня магнитофон!

Посмотрев сверху на выкрашенную в рыжий цвет макушку «подставной», он вздохнул:

– Ничего не поделаешь, я первый тянул билет. – И, схватив коробку с магнитолой, сделал вид, что уходит. Однако плотное кольцо из молодых парней, как будто случайно оказавшихся поблизости, помешало это сделать спокойно.

– Молодой человек, – вновь заговорила блондинка, – по нашим правилам, если билеты совпали, то вещь забирает тот, кто больше заплатит.

– А по нашим, – Антон ловко извлек дешевую магнитолу малазийской сборки из коробки, – два совпали – вещь пополам.

С этими словами он хрястнул о колено бедный магнитофон с такой силой, что тот действительно развалился на две части, соединенные между собой проводами.

– Ах ты, гад! – оживился самый маленький из крепышей, пока его друзья в замешательстве смотрели на разыгрываемый спектакль.

Отведя рукой оказавшуюся между ними «подставную», он попытался ударить Филиппова ногой в грудь. Отбросив превратившуюся в хлам магнитолу, Антон поймал голень крепыша и двинул ступней по его опорной ноге, с внутренней стороны колена. Раздался вскрик, и парень рухнул на заплеванный тротуар, при этом сделавшись белым как мел.

«Полгода в гипсе минимум», – с удовольствием подумал Антон, зная, что перелом со смещением этому негодяю обеспечен.

Как ни странно, было тихо. По-видимому, из опасения привлечь внимание никто не кричал. Женщины, в том числе и «случайная прохожая», которая играла с Антоном, принялись быстро сворачивать стол.

Придя в себя, парни набросились почти одновременно. Пока Антон заметил троих. Ровно, словно на тренировке, он принялся работать. Второму нападавшему он провел переднюю подножку, усугубив его положение после падения на спину ударом ноги сверху. Третьему достаточно было двинуть в челюсть, и он, взмахнув руками, упал, больше не делая попыток подняться. С четвертым тоже не пришлось долго возиться. Он принялся отступать, озираясь по сторонам и, видимо, надеясь на оставшихся в тени дружков. Но то ли они ушли перекусить, то ли догадались, что молодой мужчина, спокойно уделавший четырех их товарищей, специально искал повод подраться, так или иначе на помощь к нему никто не торопился.

Прыжком сократив расстояние, Антон залепил ему кулаком в переносицу и, убедившись, что рухнувший на колени и захлебывающийся собственной кровью качок больше не представляет опасности, как ни в чем не бывало вернулся к тому месту, где минуту назад был стол, взял свою сумку и отправился в сторону метро.

* * *

Рассекая горячий, кажущийся загустевшим от полуденного зноя воздух, «КамАЗ» с эмблемой погранвойск России на дверях резко затормозил перед выскочившим на проезжую часть мужчиной лет тридцати пяти. На нем была традиционная одежда таджиков: тибетейка и чапан – расшитый замысловатым орнаментом стеганный халат.

– Тебе что, жить надоело?! – Водитель, молодой солдат, высунул в окно голову. Его лицо было красным от гнева и жары.

– Слушай, дорогой, – мужчина, прижав правую руку к груди, с мольбой в глазах смотрел на солдата, – возьми до Душанбе. Жена в больнице умирает!

– У вас всегда кто-то умирает, а сам, наверное, на базар едешь, – боец покосился на стоящий у обочины огромный мешок.

– Это дыни, – проследив за взглядом, пояснил мужчина. – Денег нет, а врачам платить надо. Хочешь, угощайся.

– Со старшим говори, – водитель вопросительно посмотрел на сидящего рядом прапорщика. – Ну что, возьмем?

– Пусть залезает, только быстрее, – раздался раздраженный голос. – Как в духовке...

Человек, которого водитель и старший машины приняли за местного таджика, проворно подхватил свою поклажу, предварительно вынув оттуда две спелые дыни, и, передав их в кабину, влез в кузов.

Когда глаза привыкли к полумраку, Черный Принц разглядел своих попутчиков. Ими оказались несколько солдат-пограничников.

– Далеко собрался? – поинтересовался один из них.

– Далеко, – кивнул головой араб и, вынув еще одну дыню, протянул бойцам: – Угощайтесь.

Исподволь наблюдая, как бойцы уплетают сочные и сладкие, нарезанные штык-ножом куски, он чуть было не зарычал от восторга. Угощение ярко-желтыми, ароматно пахнущими плодами можно считать терактом с применением бактериологического оружия. Во все дыни шприцем была введена жидкость, содержащая вирус холеры и брюшного тифа. Пятеро подхвативших это заболевание заразят сотни, многие из которых передохнут.

В Душанбе, на одном из рынков, он «толкнет» оставшиеся дыни, и в городе через неделю начнется паника. Если русские военные врачи обеспечены всем необходимым, чтобы противостоять болезни, то в некоторых таджикских больницах нет даже элементарной хлорки.

«Из искры возгорится пламя», – проговорил он про себя слова, когда-то прочитанные им в одном из московских музеев вождя пролетарской революции. Постепенно Масуд мысленно перенесся во времени в ту советскую столицу, где провел пять лет, учась в Университете дружбы народов. Впрочем, гостям из-за рубежа это название казалось больше ироничным, чем характеризующим идеологию вуза. Между «народами» были нередки мордобои и оскорбления. Особенно часто били почему-то негров. Неприязнь у советских студентов вызывали и такие люди, как аль-Масуд. Сын арабского богача ни в чем себе не отказывал. Особо бесило русских то, что видный собой и богатый отпрыск великого рода позволял себе менять девок чуть ли не ежедневно.

Как всегда, когда Масуд погружался в воспоминания о студенческих годах, перед глазами появлялся образ Ларисы.

Разница в возрасте между ними была два года. Он уже перешел на третий курс, когда едва успевшая сдать экзамены молоденькая светловолосая, с большими глазами девушка, впервые попавшись ему на глаза, заставила сердце биться сильнее. До самого отъезда из Москвы аль-Масуд не расставался с ней. Отец, узнав об этом, категорически запретил ему жениться на русской, да и Лариса наотрез отказывалась уезжать с ним, ссылаясь на больную мать, и тогда он пообещал вернуться...

Безостановочно минуя все блокпосты, к вечеру машина въехала в столицу.

Сердечно поблагодарив успешного за время пути «повеселеть», несмотря на жару, прапорщика и оставив напоследок еще несколько дынь «для друзей», араб затерялся в городе.

* * *

До поезда оставалось еще несколько часов. Купив билет и побродив по Казанскому вокзалу, переполненному людьми, Филиппов направился в кафе, расположенное на втором этаже.

За столиками сидело несколько человек, потягивающих холодное пиво.

Взяв стакан апельсинового сока, Антон занял место подальше от входа и, усевшись у ограждения, принялся наблюдать за снующими внизу, словно муравьи, людьми, одновременно размышляя над результатами поездки.

В очередной раз хитрый араб обвел вокруг пальца Генеральный штаб и разведывательное управление. Снова из-за одного человека в землю легли его коллеги. Это было страшным ударом для Антона. Родимов, получив известие о судьбе группы, постарел еще на добрый десяток лет. Дело чести генерала было уничтожение урода из Эмиратов. Вместо этого он получил выволочку по заявлению МИД Таджикистана за несанкционированные спецоперации на территории республики. По международной договоренности любые мероприятия подобного рода проводятся с разрешения и после соответствующего согласования с руководством страны.

Филиппов пытался представить себя на месте одного из опаснейших террористов мира. Как бы он спланировал свои действия после перехода границы? Антон чувствовал, что дальнейшие шаги араба предсказуемы. Несмотря на передачу материалов по Масуду в ФСБ, он не мог успокоиться и перебирал в памяти каждую мелочь, связанную с именем этого человека. Перед глазами вставали одна за другой операции – поиск, преследование, бои... Неожиданно ему словно включили стоп-кадр. Толстой-Юрт, девяносто седьмой год. В результате специальной операции в руки группы Филиппова попали личные вещи Черного Принца: Коран в тисненном золотом переплете, наставления по ведению партизанской войны и другая военная литература. Был среди них дневник Масуда, с вложенными в него несколькими фотографиями. Сделанные в разное время года и в разных местах, они были схожи в одном: на них присутствовал в обществе араба всегда один и тот же человек. Будь то Ленинские горы или вход на ВДНХ, рядом с ним находилась красивая блондинка с родинкой над уголком губы. Фотографии успели слегка пожелтеть и затереться.

«А что, если разыскать и навестить эту девушку?!» – еще не зная для чего, неожиданно подумал он. Еще немного поразмышляв, он направился к кассам сдавать билет...

В университете полным ходом шла подготовка к сдаче вступительных экзаменов. В коридорах витал запах краски.

– С кем я могу поговорить о бывших студентах конца восьмидесятых? – поинтересовался он у преклонного возраста мужчины, вышедшего из лифта.

Окинув Антона с ног до головы удивленным взглядом, тот поправил очки:

– А вы, собственно, кто?

– Я представляюсь человеку, который мне может действительно помочь.

– Знаете, прошло больше десяти лет. – Мужчина неопределенно пожал плечами. – Выпускники за это время преподавателей забыли, а что говорить о нас, если ежегодно несколько сотен студентов проходит?

– Но остаются же в памяти самые яркие личности? – не унимался Антон.

– Тогда скажите, о ком речь? Может быть, я чем-то смогу помочь.

– Бен Рашид аль-Масуд. – Филиппов испытующе смотрел на мужчину.

От его внимания не ускользнуло некоторое замешательство на лице собеседника. Тот удивленно вскинул на него взгляд:

– Он же араб. Сын шейха...

– А я сын школьного учителя, – Филиппов повеселел. – Значит, вы все-таки его помните?

– Слышал о нем, – подтвердил мужчина. – Но это был не мой студент. Пройдемте, – он кивнул головой на коридор, указывая направление.

Через некоторое время они оказались в одной из просторных аудиторий. На переднем ряду сидели несколько молодых людей. За столом, рядом с трибуной кафедры, что-то писал почти полностью облысевший, но бодро выглядевший старик.

– Это профессор Нагибин Иван Степанович, – нагнувшись к самому уху, едва слышно проговорил его провожатый. – У Масуда он был замдекана. Что-то вроде классного руководителя в школе, – пояснил мужчина, заметив в глазах Антона непонимание.

– ...Вообще-то такие личности, как Масуд, запоминаются на всю жизнь. Перестройка, сын шейха... Тогда еще КГБ на пару с парткомом с преподавателей три шкуры за таких драли, – Иван Степанович замолчал, давая возможность Антону задать вопросы.

– Меня интересует не он сам, а его роман с одной из студенток.

– А для чего? – Профессор настороженно посмотрел на Антона поверх очков.

– К сожалению, я не могу с вами поделиться, чем вызван мой интерес, – Филиппов виновато улыбнулся. – Это не моя тайна.

– Наверняка вы частный сыщик, которого нанял ее нынешний муж, – фыркнул Иван Степанович, давая понять, что не намерен дальше вести разговор на эту тему, и попытался вернуться в аудиторию.

– Масуд финансирует боевые действия в Чечне, – взяв за локоть профессора, вполголоса проговорил Антон. – Несколько лет назад воевал там на стороне боевиков. Есть основания считать, что он вновь в России и на этот раз, возможно, посетит Москву. Я хотел бы знать подробности его романа, насколько серьезным он был и хотя бы адрес, по которому проживала его возлюбленная на момент поступления к вам.

Лицо Ивана Степановича сначала вытянулось от удивления, а затем окаменело. Некоторое время профессор зло смотрел куда-то поверх плеча Филиппова.

– Дообучали обезьян, – наконец сквозь зубы процедил профессор. – Девушка из самой Москвы. Фамилия ее Пузырева, по крайней мере девичья.

– Хорошая у вас память, – удивился Антон.

– Ничего особенного, – польщенный тем, что удивил собеседника, улыбнулся профессор. – Я преподаю точные науки, да и любовные отношения этой пары тоже не остались у нас без внимания. Поговаривают, она его до сих пор ждет.

– Даже так? – Антон проводил взглядом прошедших мимо двух студенток, переваривая услышанное. – А как насчет адреса?

– Архив, – словно удивившись вопросу, Иван Степанович пожал плечами. – Пузырева Лариса, отчество, естественно, не знал, да еще и забыл, – он виновато развел руками. – Ну а год и факультет вы знаете. Хотя не исключено, что место жительства она уже поменяла.

«Главное – ухватиться за кончик ниточки, а клубок-то размотать легче», – рассуждал Антон, направляясь в архив и уже уверенный в успехе этого дела.

Глава 5

Переночевав в Душанбе, в доме одного из членов непримиримой таджикской оппозиции, адрес которого, как и десятки других, Масуд держал в памяти, утром он выехал в Гарм. Там его и нагнало сообщение о гибели верных ему людей на перевале.

Известие привез человек, которого Масуд назначил контролировать переезд. Он действовал, четко придерживаясь инструкции: если машины с боевиками Принца попадут в засаду и возникнет угроза пленения, уничтожить колонну.

Несмотря на то что эти люди были ему очень дороги, никто не мог гарантировать их молчание. Кроме всего, в машинах были инструкции руководителям террористических организаций, специальная литература, часовые и радиоуправляемые взрыватели. В общем, если бы даже моджахеды молчали, многое смог бы рассказать перевозимый ими груз. Поэтому аль-Масуд собственноручно проверил загрузку зарядов. Никто из ехавших в этих автомобилях не подозревал о существовании под сиденьями адских машинок.

Несмотря на то что инициатива уничтожения группы в случае непредвиденных обстоятельств полностью исходила от него, рассчитываясь с ликвидатором, он почувствовал страшную неприязнь к этому человеку. Скорее всего, его вывела из себя смехотворная сумма, которую он уплатил за работу. Пятьсот долларов превратили его людей в прах... Опасаясь сорваться, он поспешил с ним расстаться, после чего сразу направился в местную мечеть.

После молитвы Масуд посетил еще одного представителя таджикской оппозиции.

Бахтияр до войны работал врачом. В девяносто втором году у него бесследно исчезла жена. Старший сын уехал на Памир, в Хорог, а спустя два года он узнал о его гибели недалеко от Тавиль-Дары, в бою с правительственными войсками.

Озлобленный на правящий режим, памирец, оказавшийся в семидесятые годы, после окончания института, в Гарме, возглавил борьбу против новой власти в этом городе. Последние несколько лет его мечтой была встреча с представителем «Аль-Каиды». Полгода назад она сбылась. Люди Черного Принца вышли на него и даже оказали финансовую поддержку.

Местом для беседы они выбрали сад, расположившись в тени деревьев, на сколоченном из досок и застеленном коврами возвышении, напоминающем небольшой подиум.

– Все мои люди погибли на вашей земле во имя Аллаха, – заговорил Масуд, выслушав от бывшего врача слова благодарности за помощь. – Скоро я уеду в Ташкент, оттуда безопасней добраться до России.

Соглашаясь с ним, Бахтияр кивнул головой:

– Русские доверяют узбекам, они сумели навести у себя в стране порядок.

– До своего отъезда я должен лично отомстить за своих братьев, – пропустив слова памирца мимо ушей, сквозь зубы процедил бен Рашид.

Некоторое время Баха молчал, глядя на то, как за спиной гостя утренний ветерок играет листьями виноградника, затем, поправив подушку, подложенную под правый бок, прокашлялся в кулак:

– У наших людей в Душанбе есть адреса офицеров российской дивизии, которые живут за пределами военных городков. – Он внимательно посмотрел на гостя, стараясь определить, понял ли тот намек. – Знаем мы и примерное время возвращения военных со службы, занимаемые должности. Даже состав семьи, у кого она есть.

– Я понял тебя, брат, – вздохнул араб. – Мне нужна машина, оружие и надежный водитель.

Масуд не горел желанием возвращаться в Душанбе. Он рассчитывал уже в ближайшее время отсюда выехать в Узбекистан. Однако известие о гибели его моджахедов и отъезд пошатнули авторитет. Своим примером он должен теперь показать Бахтияру и его людям, каким

должен быть настоящий мусульманин. Он должен оставить кровавый след на этой земле и этим оживить работу подполья.

* * *

– Фамилия?

– Пузырева.

– Имя, отчество, год рождения и место жительства?

– Слушайте, может, хватит ломать комедию?! – Коротко стриженная блондинка с синими глазами нервным движением открыла сумочку и, достав длинную и тонкую сигарету, вопросительно посмотрела на следователя.

Некоторое время майор юстиции Ермаков удивленно смотрел на нее, затем нехотя взял зажигалку, лежащую на столе, и, щелкнув ею, протянул Ларисе.

Дождавшись, когда дама раскурит сигарету, он вновь завел старую пластинку:

– Лариса Евгеньевна, я комедию не ломаю, а веду следствие по факту убийства вашего охранника и наезд на автомобиля на сотрудницу фирмы. Вы же ведете себя так, словно ничего не произошло.

Лариса выпустила тоненькую струйку дыма. Стряхнула пепел в пепельницу:

– Я, извините, не считаю это обыденным делом, как вы изволите говорить. – Ее ротик расплылся в виноватой улыбке, отчего на правой щеке появилась ямочка. – Но спрашивать то, что вы прекрасно знаете, по десять раз на дню, это уж, извините, походит на маразм.

– Так положено. – Следователь отчего-то почувствовал смущение. – Формальность, но соблюдать необходимо.

– Пузырева Лариса Евгеньевна, – фыркнула блондинка. – Шестьдесят седьмого года рождения прошлого века...

Ей вдруг стало грустно.

«Прошлого века, – повторила она уже про себя и отвернулась к окну. На глаза навернулись слезы. – Скоро сорок... Ни семьи, ни детей. Ради чего живу?»

Лариса принялась безропотно, машинально отвечать на вопросы и терпеливо ждала, когда следователь занесет ответ в протокол допроса свидетеля.

Выйдя спустя час из прокуратуры, Пузырева села в двухместный «Хундай» и достала сотовый:

– У нас все нормально? – С тревогой бросив взгляд на окна кабинета, который только что покинула, и заметив в одном из них лицо Ермакова, чертыхнулась: – Я еду. Встречу отменять не надо.

Владелица одного из столичных казино «Арго», нескольких ресторанов, сауны и гостиницы, бросив на сиденье рядом телефон, завела двигатель. Включив передачу, посмотрела на окна еще раз. Следователь продолжал бесцеремонно разглядывать то ли ее, то ли машину.

«Неужели я ему нравлюсь?» – усмехнулась она про себя и, показав язык, выехала на проезжую часть.

На протяжении более десяти лет Лариса, не жалея себя, строила свою, как ей хотелось думать, империю. Успешно окончив университет и несколько лет проработав в школе, влача жалкое существование на пару с матерью-инвалидом, она в конце концов была вынуждена бросить ставшую неблагодарной работу учителя и пойти продавцом на рынок. Это занятие меньше подходило миниатюрной и хрупкой женщине, в холод и зной простаивающей с утра до вечера за прилавком. Она нелепо смотрелась на фоне мясных туш, рядом с дородными тетками с задубевшей на лицах кожей. Однако зарплата там была намного больше, а главное – ее своевременно платили. Сама собой отпала забота, что надеть, как заштопать или перешить,

чтобы хоть немного поприличней выглядеть перед учениками, у которых через одного уже были сотовые телефоны.

Перелом в жизни Ларисы произошел через несколько дней после похорон матери. Встретивший ее у подъезда презентабельного вида мужчина, лишь уточнив фамилию, передал сверток.

Слова «Это от Масуда», словно молнией, парализовали ее на некоторое время. Перед глазами пронеслась целая вечность. Три года вместе с этим смуглым, веселым и остроумным парнем. Обещание любить вечно, ожидание встреч, редкие, из-за загруженности, ночные интрижки, а главное, расставаясь, он вселил в нее веру в то, что обязательно вернется и они снова будут вместе.

Словно в тумане Лариса рассеянно слушала, как мужчина объяснял ей, собственником каких заведений она является с этого дня.

Придя домой и еще до конца не веря в случившееся, боясь злого розыгрыша какой-нибудь из университетских соперниц, долго боялась развернуть сверток из плотной бумаги. Когда же все-таки скотч был разрезан, а упаковка вскрыта, на пол выпала пачка стодолларовых купюр и письмо. Скорее, небольшой листок, исписанный мелким, убористым почерком, можно было назвать запиской, но каждое слово, фраза, предложение были до того емкими, переполненными страданиями, вызванными разлукой, что чувства писавшего ее человека, казалось, невозможно было описать в целой книге...

– Ты только жди и верь, я рядом и скоро приду, – затормозив у казино, вслух процитировала она обещание Масуда, звучавшее как клятва в последнем предложении послания, которым она жила уже много лет.

Лариса верила – он сдержит слово. Она чувствовала его незримую поддержку в лице тех людей, которые неожиданно появлялись, когда она сталкивалась с трудностями. При помощи чеченца Зелимхана Умарова, который принес первую весточку от любимого, она стала генеральным директором ОАО «Юпитер», приносившего неплохую прибыль.

То, что он не назвал своего адреса, ее нисколько не удивило.

Что поделаешь, успокаивала она себя, Восток – дело тонкое. Масуд не желает переписываться из опасения, что ее письма могут попасть в руки родителя, который против их свадьбы.

Позже от него было еще несколько коротеньких писем. В основном в них он давал понять, что не забыл своего обещания и все еще сохраняет к ней прежние чувства. Время, которым проверена наша любовь, самый серьезный экзаменатор, повторял Масуд в каждом своем признании. Так же, в нескольких строчках, описывал, где находится и чем занимается. Последнее послание было из Англии. Там он учился.

Не удивляло ее и преобладание среди тех, кто приходил от его имени, выходцев с Кавказа. Она давно обратила внимание на большое количество представителей с юга в российском бизнесе, и не только чеченцев. Азербайджанцы, грузины, армяне уже давно успешно работали в столице.

* * *

Масуд вышел из стареньких «Жигулей» на одной из улиц частного сектора, закрытого от взора проезжающих по дороге многоэтажным зданием гостиницы «Таджикистан».

Солнце уже зависло над горами, готовое свалиться в них, но было еще очень жарко. Рядом, в арыке, тянущемся вдоль дороги, плескались дети.

Промокнув носовым платком пот с лица и шеи, он посмотрел на циферблат стареньких «Командирских», которыми всегда перед поездкой заменял «Ролекс», и не спеша направился в переулок. Водитель остался сидеть за рулем.

В темных очках, джинсовой безрукавке со множеством карманов, надетой на голое тело, и таких же шортах, он соответствовал образу человека, за которого себя выдавал, – в нагрудном кармане лежала аккредитация журналиста телекомпании «Аль-Джазира» в Таджикистане. Однако видеокамеры у него не было, а выгоревшую на солнце безрукавку оттягивал старенький пистолет Макарова.

Подойдя к небольшому, оштукатуренному и побеленному снаружи одноэтажному дому, укrywшемуся в тени неухоженного сада, Черный Принц заглянул во двор. На дверях висел замок. Облегченно вздохнув, он отошел в сторону и, присев на корточки возле забора, принялся ждать.

Не прошло и десяти минут, как со стороны дороги, в его сторону, свернули два российских офицера. Майор и подполковник о чем-то оживленно разговаривали. Они не обратили внимания, как из стоящих «Жигулей», дождавшись, когда русские пройдут мимо, вышел водитель и пошел следом, всего в нескольких шагах позади них. Его глаза возбужденно блестели. Одурманенный анашой, он сжимал в кармане спортивных штанов рифленую и скользкую от пота рукоять «макарова».

Масуд выпрямился и направился навстречу офицерам. Пропустив их мимо себя и оказавшись рядом со своим помощником, он молча вынул пистолет. Водитель последовал его примеру, и через секунду тишину переулка разорвали выстрелы.

Ничего не успевшие понять подполковник и майор упали замертво.

Не торопясь, без суеты, Масуд забрал из нагрудных карманов рубашек удостоверения и запрыгнул в подъехавшую машину:

– Давай обратно в Гарм!

Он бросил взгляд на пустой переулок и, устало откинувшись на спинку сиденья, закрыл глаза...

На следующий день в одной из комнат дома, расположенной окнами во двор, был накрыт дастархан. Два кондиционера, включенных на полную мощность, наполнили ее приятной прохладой. Несколько мужчин, сидевших вместе с хозяином дома Бахтияром, слушали последние наставления Черного Принца.

– ...Земля под ногами неверных должна гореть. – Он говорил тихо, но отчетливо выговаривая каждое слово. – После объявления в вашей республике перемирия мой слух ни разу не обрадовали вести о ваших успехах...

– Но ведь есть договоренность, – попытался было возразить один из присутствующих, крепкого телосложения бородач.

– Какое отношение к этому имеют русские? Ты бы позволил своему соседу жить у тебя в доме и давать советы, как поступить в той или иной ситуации?

– Нет, Масуд-ака, – потупил взгляд бородач, будто был виноват в том, что в Таджикистане дислоцируется российская дивизия, а границы охраняют чужие пограничники.

– Русским нужны природные богатства вашей страны. – Масуд взял пиалу с зеленым чаем и сделал несколько глотков, смачивая горло. – Пользуясь нищетой и тупостью нынешнего руководства, они за бесценку грабят народ. Таджикистан – лакомый кусок для неверных. Ленинабадский уран и алюминий, вахшское золото, камни... А ведь все это принадлежит вашим потомкам. Наши братья по вере ведут священную войну на Кавказе. Чтобы им было легче, здесь необходимо создать новый очаг напряженности. На днях я уеду, но хочу, чтобы слух радовала информация из всех источников, что русским здесь живется плохо. Мои люди переправили вам хороший товар. Продайте его и купите оружие...

Через полчаса после того, как гости разъехались, Масуд был уже на пути в Ташкент. Он, опасаясь предательства, сознательно солгал, что собирается туда не скоро.

Сидя на заднем сиденье приобретенной его личным телохранителем Сухробом «Нивы», он был спокоен. Двое убитых им офицеров и полностью погибшая группа российского спецназа – хорошая новость для Хозяина...

* * *

Родимов несколько не удивился появлению на пороге своей квартиры Филиппова.

– Поезд обманул, – усмехнулся генерал, впуская его в прихожую. – Билет купил, а сам не поехал?

– Выходит так, – улыбнулся Антон, с удовольствием снимая туфли.

Плюхнувшись в кресло, он вопросительно посмотрел на генерала:

– Можно, я от вас по межгороду позвоню?

– Ты почему остался? – Федор Павлович, оставив просьбу без внимания, надел очки в позолоченной оправе и выжидающе посмотрел на гостя.

– Идея одна у меня появилась, – Антон выдержал паузу, собираясь с мыслями. – Помните московские фотографии Масуда?

– Я понял, о чем речь, – кивнул головой генерал, усаживаясь в кресло напротив. – Не ты один обратил внимание на его амурные дела.

– Вот как, – Филиппов разочарованно вздохнул.

Родимов едва заметно улыбнулся:

– Не огорчайся. По идее – это уже работа ФСБ, но я дал указания, чтобы собрали информацию о Пузыревой и по нашей линии.

На некоторое время в комнате воцарилась тишина. Антон окинул взглядом генерала. Федор Павлович, в футболке и спортивных штанах, походил на обычного человека пенсионного возраста. А между тем за плечами этого сухощавого «дедули» – десятки спецопераций.

«Вот про кого фильмы снимать надо, – подумал Филиппов. – Только ведь нельзя».

– Ты вроде как звонить собирался? – неожиданно напомнил генерал. – Или уже передумал?

– Еще успею, – отмахнулся Антон. – Вы не договорили по поводу того, чем сейчас занимается подруга Масуда.

– На данный момент Пузырева Лариса Евгеньевна, – закатив к потолку глаза, монотонным голосом заговорил Родимов, – является генеральным директором корпорации «Юпитер». В собственности имеет: гостиницу «Виола», ресторан «Айсберг», салон красоты «Аленушка», баню. Кроме вышеперечисленного хочется особое упоминание сделать на казино «Аргон». Раньше на нем плотно сидела чеченская группировка, которой руководил некто Зелимхан Умаров.

– Значит, Пузырева – преуспевающая бизнес-леди, – дождавшись, когда генерал закончит говорить, хмыкнул Антон.

– Возможно, сама того не подозревая, она финансирует чеченских боевиков. Окружение у нее мутное. – Родимов, хрустнув суставами, поднялся со своего места и, подойдя к рабочему столу, включил компьютер. – Здесь у меня есть еще кое-какая мелочовка по «Юпитеру», если хочешь, можешь ознакомиться. Код доступа «Вомидор».

– Родимов наоборот, – сразу догадался Антон. – Жалко одно, зря потратил время в университете.

– Не только зря, – Федор Павлович с укором посмотрел на него. – Как бы твой поход не оказался основным проколом.

– Вы хотите сказать...

– Черный Принц знает о том, что наши спецслужбы сейчас стоят на ушах, – генерал бесцеремонно перебил Антона. – Наверняка он «пробьет» университет на предмет его посещения оперативниками ФСБ.

– На его месте я бы и не совал туда носа, – возразил Антон. – И вообще, у нас одна зацепка – Пузырева, а он вряд ли догадывается о том, что на нее мы делаем ставки. Мое мнение, под любым предлогом нужно устроиться к ней хоть крупье, хоть мойщиком посуды.

– По поводу университета, – до конца выслушав Филиппова, вновь заговорил генерал. – Ты уверен в отсутствии у него там каких-либо связей? Если это так, а я этого не исключаю, то ему даже в районе Ленинских гор появляться незачем. Его уже и так проинформировали. Прибыл ты туда как неофициальное лицо – раз, – он принялся загибать пальцы, – результатом этой самовольщины стало то, что вместе с сотрудницей архива о цели твоего посещения знают три человека. Поверь моему опыту, сейчас эта тема превратилась в раздутую сплетню и стала в университете основной.

– Смысл вашего разговора сводится к отказу от моего предложения внедриться к Пузыревой?

– А если он вовсе не собирается в Москву, а конечной целью является Чечня? – генерал испытующе уставился на Филиппова.

Антон вздохнул. Он понимал, шансы очень малы.

Федор Павлович прокашлялся в кулак:

– Ты в каких отношениях был с подполковником Коваленко?

– Учились на одном курсе, – пожал плечами Антон. – А что?

– Вчера, вместе со своим сослуживцем, застрелен в Душанбе недалеко от дома.

– Это может быть как-то связано с его командировкой в учебный центр?

– Проверяем, – пожал плечами генерал.

Глава 6

Пузырева, в сопровождении своего водителя и телохранителя Спицына, едва успела войти в прихожую, как с улицы донесся вой сигнализации ее машины.

Чертыхнувшись, Спицын бросил пакеты, которые помогал донести до квартиры, и устремился к окну на кухне. Почти сразу оттуда послышалась отборная ругань, и через секунду, с выкатившимися из орбит глазами, он уже промчался мимо нее к лифту.

Лариса бросилась на балкон. Оказавшись там, она посмотрела вниз и обомлела.

Двое молодых людей крепкого телосложения бесцеремонно вскрывали дверь купленной всего месяц назад шестой модели «Ауди». Еще один топтался между ними и подъездом, бросая по сторонам настороженный взгляд. Из-за высоты лиц невозможно было разглядеть, все-таки седьмой этаж. Наконец им удалось справиться с замком. Один уселся за руль, второй поднял капот. Через полминуты сигнализация замолчала.

Из оцепенения вывела воцарившаяся во дворе тишина.

– Отойдите немедленно от машины! – захлебываясь от негодования, закричала Пузырева, перегнувшись через ограждение.

Парень, возившийся под капотом, закрыл его, как ни в чем не бывало, отряхнул руки и, задрав голову кверху, сделал непристойный жест, после чего бесцеремонно уселся на переднее сиденье.

Охваченная яростью, она схватила плетеное кресло, стоящее рядом, и запустила его, целясь в стоящего на «стремях» третьего участника угона. Кресло упало на козырек подъезда, и почти одновременно его двери с грохотом распахнулись. Выскочивший оттуда Спицын в буквальном смысле смел стоящего на его пути наблюдателя и устремился к машине.

Однако выпрыгнувший ему навстречу угонщик оказался проворнее и сильнее Спицына. Через мгновение телохранитель валялся на асфальте, корчась от ударов ногами.

Охнув, Лариса вбежала в комнату и схватила телефон. Однако трубка ответила тишиной. «На площадке провод перерезали! – догадалась она. – Сотовый!» – неожиданно осенило ее. На ходу доставая из дамской сумочки миниатюрный «Панасоник», глянула вниз и обомлела. Положение дел у подъезда коренным образом изменилось.

Рядом со Спицыным корчились двое угонщиков. Какой-то мужчина вытаскивал за шиворот третьего бандита из-за руля. Тот же норовил закрыть двери изнутри. Наконец и он, перевернувшись в воздухе, вытянулся на асфальте.

Напрочь забыв об электрошоковой дубинке, всегда лежащей вместе с телефоном в сумочке, она прихватила с кухни молоток для отбивных и отправилась на помощь неизвестному помощнику...

Запрокинув голову назад и закрыв глаза, мужчина, вставший на защиту частной собственности генерального директора концерна «Юпитер», спустя некоторое время сидел на краю джакузи, терпеливо ожидая, когда Лариса обработает рассеченную бровь и губу.

– Надо же, – сокрушалась она, – на глазах столько людей... Бог с ней, с машиной, но человека до полусмерти избивать! Я когда Вадима на земле увидела, подумала – убили.

– А я, когда увидел ваше лицо и молоток для отбивных, – Антон открыл глаза и отстранил ее руку с ваткой, смоченной в спирте, – подумал, что придется теперь этих уродов спасать.

Лариса улыбнулась. На ее бледном от пережитого лице неожиданно появился румянец.

– Представляю себя со стороны. – Она помыла руки и критически оглядела сидящего перед ней мужчину. – Ваш гардероб, сударь, в результате потасовки пришел в негодность. Сейчас поедem в магазин исправлять положение.

– Зачем? – удивился Антон, вставая и подходя к зеркалу.

Левый рукав пиджака был надорван, а пуговицы приказали долго жить. Брюки также выглядели удручающе. Все-таки пришлось и повалиться.

– Сделайте мне приятное, – Лариса умоляюще сложила ладони у груди, – не отказывайте. Вы спасли моего сотрудника и машину...

– Так уж и спас. – Антон сделал вид, что смутился. – Может, я в таком виде уже давно хожу?

– Извините, – неожиданно, словно что-то вспомнив, спохватилась хозяйка, – вы так и не сказали, как вас зовут.

– Игнатьев Антон Алексеевич, – отрапортовал Филиппов свой новый оперативный псевдоним, согласно записи в паспорте, которым его снабдил Родимов.

В комнате, приложив ко лбу мокрое полотенце, полулежал на диване охранник.

Увидев вошедшую хозяйку и своего спасителя, он улыбнулся разбитыми губами и сел.

– Ну, как самочувствие? – Антон бесцеремонно взял его за подбородок и критически осмотрел. – В больницу надо бы.

– Это еще зачем? – Спицын обиженно захлопал глазами. – На мне как на собаке...

– Переносица сломана, – вздохнул Антон, – сотрясение мозга как минимум...

– Какого мозга? – попытался отшутиться Спицын, морщась от боли. – Его у меня сроду не было.

– Раз нет мозгов, зачем функции телохранителя на себя взвалил? – на полном серьезе уколол его Филиппов.

– Надо так надо, – вступила в разговор Лариса. – Все, поехали...

К перечисленным Антоном травмам в приемном отделении больницы добавилось еще и сломанное ребро.

Поместив Вадима в платную палату, Филиппов и Пузырева вернулись к машине.

– У вас есть права? – Лариса вопросительно посмотрела на Антона.

– Да. Вы хотите, чтобы я сел за руль?

– Хочу, – почему-то смутилась Пузырева и потупила взгляд.

* * *

С невозмутимым видом и без какого-либо намека на беспокойство, пройдя все таможенные формальности, аль-Масуд с паспортом на имя гражданина Узбекистана Анвара Худайбердиева вновь ступил на московскую землю.

Сухроб, невысокий, крепкого телосложения сорокалетний араб, неотлучно сопровождающий его во всех рискованных поездках, вышел следом. Скользнув по снующим вокруг людям цепким взглядом и не заметив ничего подозрительного, он не спеша направился за своим хозяином.

Масуд не питал ненависти к людям, живущим здесь, равно как и к столице государства, с которым призывал воевать правоверных мусульман до победы. Ненависть – удел черни, считал он. Религиозная мишура, которой он и ему подобные прикрывались, нужна была лишь для облапошивания стада, при помощи которого можно было расширить свое влияние. Вынудить взяться за оружие голытьбу, обвинив во всех бедах неверных, убедить их в том, что они – гнев Аллаха, и делать деньги...

По своей натуре и внутреннему миру Масуд разительно отличался от основной массы богатых людей, финансирующих войну в России. Кроме всего прочего, он и сам был не прочь порисковать своей шкурой. Сидя в засаде, чувствовать, как адреналин натягивает, словно струны, нервы. Видеть ужас и безысходность в глазах побежденного. Это, как он считал, есть состояние воина, и передалось оно ему от далеких предков.

Пройдя через вокзал к выходу в город, Масуд остановился у расписания поездов и с деланным интересом принялся его изучать.

– На Уфу едете? – послышался рядом осторожный голос.

Несмотря на то что он ждал этого вопроса, его обдало жаром. Стрельнув по сторонам взглядом, араб развернулся к человеку, назвавшему пароль.

Среднего роста немолодой мужчина выжидающе смотрел на него.

– С этого вокзала туда поезда не ходят, – едва слышно произнес отзыв Масуд.

Больше не говоря ни слова, мужчина направился к выходу в город. Масуд и стоящий чуть в стороне Сухроб, подхватив по небольшому кейсу, последовали за ним.

Всю дорогу в небольшом микроавтобусе ехали молча. Пропетляв около часа по городу, у станции метро «Сокольники» Масуда и телохранителя пересадили в «Вольво», а через некоторое время он уже поднимался в лифте на последний этаж недавно построенного дома в Химках, где для него уже подготовили квартиру.

– Шамиль просил передать, что здесь все проверили специалисты, – ставя багаж Масуда на пол, сказал водитель. – Подслушек нет. Соседи заселились сразу после сдачи дома.

– Когда я смогу его увидеть? – поинтересовался Масуд.

– Сегодня. Я за вами заеду, но уже на другой машине. Пройдемте в спальню, я должен вам кое-что показать. – Водитель снял обувь и прошел внутрь квартиры.

Комнат было четыре. До Масуда здесь никто не жил. Пахло лаком, краской, пластиком. Все было обставлено дорогой мебелью. Посередине спальни стояла огромная кровать, заправленная атласным одеялом. На стенах были картины.

Мужчина подошел к бельевому шкафу, подпирающему потолок, и отодвинул одну из створок:

– На всякий случай здесь оборудован выход на чердак. – Он дернул за ручку прикрепленного к задней стенке механизма, и Масуд увидел лестницу, похожую по конструкции на те, что используются в купейных вагонах поездов. Однако ее длина была значительно больше.

– Сухроб, – он кивнул головой телохранителю.

Верный как пес крепыш с полуслова понял хозяина и, войдя внутрь пластикового пенала, принялся проверять...

Когда охранник, проводив, закрыл за чеченцем дверь, Масуд еще раз осмотрел все комнаты и поморщился:

– Роскошь затмила им рассудок...

– Может, поменяем квартиру?

– Пока проживем здесь, – Масуд устало опустил в кресло. – Разбери вещи...

Небо над Москвой после захода солнца сделалось сиреневым. Город, медленно проплывающий по обе стороны прогулочного катера, слепил разноцветными огнями. Отражаясь в воде реки, берега которой были одеты в гранит, они то разбегались в волнах на миллионы разноцветных искр, то вновь собирались и принимали прежнюю форму.

Бен Рашид аль-Масуд, откинувшись на спинку стула, задумчиво смотрел на изменившийся за это время город. Когда-то ставшая почти родной, Москва сейчас была совершенно чужой и даже враждебной. Казалось, это не огни, а тысячи злых глаз смотрят на проплывающий мимо катер.

– Как устроились? – Шамиль испытующе посмотрел на Масуда.

Со времени боев в Грозном Бекбулаев почти не изменился. Такая же аккуратная прическа коротко стриженных и абсолютно седых волос. Серые умные глаза, прямой нос и густые, седые брови. Однако стал чуть бледноват. Не было уже того бронзового загара. Когда-то обветренная и задубевшая кожа на скулах слегка обвисла, отчего шрам на левой щеке, от уголка

губ почти до самой мочки уха, стал едва заметен. Тем не менее, как и прежде, его скрывала седая щетина.

– Плохо устроился! – неожиданно вырвалось у Масуда. – Я не могу смотреть на роскошь вокруг себя, когда знаю, сколько можно было сделать на эти деньги, если бы вы в угоду мне не потратили их на ковры и телевизоры...

Шамиль был готов к такому ответу. Он давно знал Принца и его манеру вести, а тем более начинать разговор с идеологической и пропагандистской работы. В этом он мог посоветоваться с сильнейшими партаппаратчиками времен социализма.

Невольно в памяти чеченца всплыл рассказ из далекого детства, прочитанный в учебнике «Родная речь». Подробности он не помнил, но суть его сводилась к тому, как вождю пролетарской революции какие-то ходоки с Волги принесли пару рыбешек. Несмотря на то что Ильич якобы голодал, он распорядился отдать их в детдом. Только спустя много лет Шамиль узнает, чем питались в то время даже рядовые чиновники советского правительства. Нормам продовольственного пайка и перечню продуктов даже сейчас позавидовал бы любой гражданин этой страны со средним достатком.

На его лице появилась и тут же исчезла едва заметная улыбка.

– Не обижайся, – вновь заговорил араб, почувствовав, что хватил лишку. – Я знаю, ты делаешь все во имя нашей победы. Извини. У меня была тяжелая дорога.

– Я слышал, – Шамиль сочувственно вздохнул и поманил пальцем молоденького парня, стоящего у кормы, недалеко от столика, но на расстоянии, которое не позволяло тому слышать разговора. Дождавшись, когда он плеснет в бокалы немного вина, Бекбулаев слегка приподнял свой:

– Давай помянем твоих людей, сложивших головы во имя общего дела вдали от родины. Масуд едва заметно кивнул головой, благодаря за тост.

– Как дела у Ларисы? – поставив бокал на стол, спросил Масуд.

– Не очень, – чеченец отвел взгляд в сторону и некоторое время смотрел на проплывающие мимо дома. – Но она об этом пока не знает.

– Расскажи поподробнее.

Шамиль сложил руки на столе:

– Я сделал, как ты сказал: бухгалтер и управляющие – мои люди. Она не касается финансовых вопросов. Реального дохода не знает, соответственно и не подозревает, куда идут деньги. На всякий случай для нее готовили второй комплект документов, но она доверяет сотрудникам и просматривала их только на начальном этапе работы. – Он сделал паузу, провожая взглядом проходившего мимо матроса. – Но деятельностью предприятия заинтересовалась ФСБ.

– В чем это проявилось? – заволновался Масуд. – Ее вызывали на Лубянку?

– Нет, – Шамиль отрицательно покачал головой. – Просто мои люди вычислили стукачей, которые раскололись.

– Кто они?

– Ее личная секретарша и прежний водитель-телохранитель.

– Что говорят?

– Говорили, – хищно усмехнулся Шамиль. – Бабу сбили машиной, когда она возвращалась домой, но не совсем удачно. Сейчас она в больнице, однако показаний дать не в состоянии. С водителем сначала поговорили, кстати, он и заложил осведомительницу, а потом отправили к праотцам.

На некоторое время перед его глазами встала «картина» результата разговора, а именно восемьдесят килограммов мяса, подвешенных за ребра на крюк.

– Что он рассказал еще?

– Требовали маршруты поездки генерального директора, то есть Ларисы, с кем встречается, о чем говорят. В общем, как всегда. Он согласился, а впоследствии помог устроиться и секретарше.

– Обо мне интересовались?

– Нет.

– Я хочу ее видеть, – вставая из-за стола, сказал Принц.

* * *

Несмотря на возражения и яростное сопротивление Антона, Лариса настояла на своем, и они почти час убили на приобретение нового костюма.

– А где вы работаете? – спросила Пузырева вконец измученного Антона, когда они оказались за дверями бутика.

– Раньше был инструктором на курсах подготовки охранников, – не моргнув глазом, соврал он. – Сейчас временно не работаю.

Почему-то она обрадовалась ответу. Ей нравился Антон. От него исходила какая-то сила, уверенность и доброта одновременно. Наконец рядом с ним она впервые за все время после свалившихся на нее несчастий почувствовала себя спокойно.

Сначала пропал Жорик, ее личный водитель. Неразговорчивого увальня нашли через неделю на очистных сооружениях. Что послужило причиной того, что над ним долго глумились, оставалось только догадываться, но, судя по тому, во что было превращено его тело, умер он в страшных муках. За день до его обнаружения попала под машину секретарша, которая до сих пор в коме.

Еще в больнице, когда выяснилось, что новый водитель, Спицын, останется там надолго, у Ларисы появилась мысль взять Антона к себе. Однако без проверки его Зелимханом она не могла этого сделать, но и просто так, даже на несколько дней, этого человека отпускать не хотелось.

– Может, сегодня повозишь меня? – Лариса украдкой бросила взгляд на его профиль, стараясь угадать реакцию.

Антон пожал плечами:

– Я город плохо знаю.

– Зато я хорошо! – Догадавшись, что он не против, она обрадовалась.

Они проехали сначала в ресторан, затем в казино. И там и там Лариса задерживалась не больше чем на полчаса.

– На сегодня никаких дел больше не намечается, – устало сказала она, усаживаясь в машину у ночного клуба. – Поехали в Черемушки.

Всю дорогу молчали. Лишь изредка Лариса уточняла, на какую улицу и где свернуть.

Старая кирпичная хрущевка показалась ей после месяца отсутствия еще меньше. На фоне высоток, выросших в этом квартале как грибы, она уже смотрелась убого. Лариса с грустью вспомнила тот день, когда они переехали в только отстроенный и пахнувший свежей штукатуркой дом. Мама, отец и она, еще совсем маленькая девочка. Как давно это было...

В квартире пахло нежилым. Мебель покрыта пылью.

– После того, как не стало мамы, я появляюсь здесь очень редко, – словно извиняясь за запущенность, сказала она. – Единственное место, которое связывает меня с прошлым. Приезжаю, когда становится очень плохо, и сижу на кухне, пью кофе. Он здесь у меня всегда. Ни родственников, ни детей...

Антон подошел сзади и погладил ее по плечу:

– Это все поправимо.

Она вздрогнула, а затем, развернувшись к нему лицом, закрыла глаза и подалась вперед. Ее дыхание участилось.

– Ты женат?

– Был, – отведя взгляд в сторону и прижав ее к себе, неожиданно охрипшим голосом ответил Филиппов.

– И дети есть? – Она еще сильнее прижалась к нему.

– Нет, не успели.

Сердце Филиппова учащенно стучало. Он подхватил ее на руки и перенес на диван. Неожиданно Лариса, выпрямив руки, уперлась ему в грудь ладонями:

– Не сейчас. – Она освободилась от его объятий, встала и поправила юбку. – Я хочу сначала прибраться, – немного поколебавшись, едва слышно добавила: – Если имеешь желание остаться до утра, съезди за продуктами.

Проснувшись с первыми лучами солнца, Лариса долго глядела на спящего Антона.

На душе было одновременно скверно и хорошо. Скверно оттого, что изменила Масуду. Хорошо потому, что ей был приятен ее новый знакомый.

Однако удрученное состояние усиливалось. Не из-за близости с Антоном, у нее были мужчины. Но там было все по-другому. Предыдущие интрижки – плод физиологической потребности – она не считала изменой. Сейчас же удовлетворением плоти не ограничилось. Она чувствовала, что уставшая, застывшая в ожидании душа приоткрылась и тянется к этому человеку, заслоняя Масуду.

Стараясь побыстрее избавиться от неприятного, двоякого чувства, она отправилась в душ...

Въехав на автостоянку и заглушив двигатель, Антон вопросительно посмотрел на Ларису. Отчего-то она выглядела грустно. Он положил свою руку на ее и слегка сжал.

– Тебя долго не будет?

Лариса посмотрела в сторону входа в офис «Юпитера», возле которого топтался охранник, затем перевела взгляд на Антона:

– Меня не надо ждать. Если появится желание работать, позвони через пару дней. – С этими словами она протянула ему визитку. – Как тебя найти?

Антон назвал ей номер телефона, установленного на конспиративной квартире, куда его поселил генерал.

Глава 7

Расставшись с Ларисой, Филиппов не спеша направился к ближайшей станции метро.

«Если она генеральный директор, зачем ей потребовалось время на мое трудоустройство? – размышлял он, бредя по улице. – Либо собирается освободить место, либо ей с кем-то необходимо посоветоваться. Этот бизнес должен приносить неплохую прибыль. Для постоянного человека туда вход заказан».

Если предприятие Пузыревой «крышуют» чеченцы, значит, есть вероятность того, что часть средств уходит на Кавказ. ФСБ капитально принялась перекрывать финансовые потоки, раньше свободно подпитывающие боевиков. В свою очередь, это подтолкнуло лидеров кавказских криминальных группировок создать свои структуры, наподобие контрразведки, препятствующие этому. Ответ напрашивается сам собой, его наверняка проверят.

А может быть, она специально спровоцировала его, затащив в постель, догадавшись, что попытка угона машины и избиение водителя – умело разыгранный спектакль? Тогда можно было отблагодарить и расстаться, засомневался он. Но, с другой стороны, зная, что он работает на спецслужбы, можно успокоить их, допустив его к работе, но ограничив в доступе к информации, а при случае и просто дезинформировать силовиков.

Антон остановился у киоска «Роспечать» и принялся выбирать газеты, одновременно оглядев людей, идущих позади него. Явно выраженного интереса к его персоне никто не проявлял. По крайней мере, он этого не заметил. Неожиданно в поле зрения попала притормозившая у тротуара зеленая «Вольво». В салоне сидели несколько человек, но никто не выходил. Из-за тонированных стекол лиц разглядеть было невозможно.

Взяв еженедельник «Аргументы и факты», он еще некоторое время бесцельно прогуливался по улицам. Машина продолжала следовать за ним. В некоторых местах он терял ее из виду, но тут же замечал одного и того же молодого мужчину, появляющегося поблизости.

Наконец он дошел до входа в метро и, попав в общий поток, тут же проскочил на выход. Шпионивший за ним автомобиль стоял у тротуара и сразу бросился Антону в глаза. Из него выскочили двое, один из которых оказался тем самым парнем, который периодически преследовал его пешком. Расталкивая людей, они вбежали в проход, куда он вошел полминуты назад.

«Понятно! – Филиппов облегченно вздохнул. – Все-таки хвост».

Неожиданно его осенила дерзкая идея.

Не раздумывая, он бросился к машине. Водитель, занятый тем, что глядел в зеркало заднего вида, выбирая момент, чтобы отъехать, не сразу понял, что происходит. Рванув дверь на себя, Филиппов ловко нырнул на место пассажира рядом с ним и, схватив водителя правой рукой за запястье, пальцами левой надавил чуть выше локтя на две болевые точки.

Средних лет мужчина, с характерной кавказской внешностью, вскрикнув, навалился на спинку сиденья и захрипел. При этом ноги уперлись в педаль газа и сцепления. Двигатель взревел. Резким движением Филиппов выбил скорость.

– Слушай сюда, мудака! – с угрозой в голосе произнес Антон. – Сейчас без глупостей едешь туда, куда я скажу. Будешь вести себя нормально, оставлю жить. Понял?!

Заметив, как, пересиливая парализующую боль, тот едва заметно закивал головой, он отпустил его, однако освободившуюся руку на всякий случай положил ему на шею.

– Что тебе надо? – растирая предплечье, скривившись, выдавил мужчина. – Ты за это ответишь!

– Во дает! – Антон усмехнулся. – Дядя, я сразу, как вас увидел, догадался – вы из той же компании, что вчера у Ларисы Евгеньевны – директора «Юпитера», пытались угнать машину. Скажи честно, сегодня решили свести со мной счеты, потому как я помешал этому. Угадал?

– Какая Лариса?

– Все, давай сейчас к офису, от которого вы меня вели, там разберемся. И без фокусов. Вдохнув даже, как показалось, с облегчением, водитель выехал на проезжую часть.

– Послушай, – заговорил он, пытаясь повернуть голову, но пальцы Антона, словно тиски, сдавили шею, и он был вынужден говорить, лишь кося глазами. – Не знаю я никакой Ларисы, и никакой машины я не угонял. Ты что, мент? Как кавказец, сразу хватается...

– Ты меньше говори, папаша. – Антон опустил стекло. – На первом перекрестке разворачивайся.

– Там движение прямо и направо, – зло буркнул мужчина, смахивая со лба выступившие от напряжения бисеринки пота. – И потом, мне непонятно, куда ехать? Зачем? Я ведь только родственников до метро довез, а ты на меня напал. Обвиняешь в чем-то...

– Сейчас разберемся, – едва слышно ответил Антон.

Занятый дорожными знаками и размышляя, как удобнее проехать обратно к офису, Филиппов не обратил внимания, что кавказец, заметив появившуюся позади них милицейскую машину, напрягся. Спихнулся Антон, лишь когда водитель, резко затормозив, открыл двери и вывалился наружу, рискуя угодить под колеса какого-то автобуса.

Перескочив через сиденье водителя, Филиппов выскочил следом. Как ни странно, чеченец никуда не собирался бежать, а остался рядом с машиной. Ударом кулака в живот Антон заставил его согнуться и, схватив за затылок, хряснул лицом о машину. В то же мгновение он почувствовал несколько ощутимых ударов в спину, после чего сзади кто-то навалился. Не выпуская голову чеченца из рук, Антон обернулся и увидел милиционеров.

* * *

Шамиль в сопровождении высокого, атлетического телосложения мужчины прогуливался по асфальтированной дорожке своего небольшого парка, окружающего загородный дом. Несмотря на жару, его гость был одет в строгий темно-синий костюм и галстук, но невозмутимое выражение лица не давало даже малейшего повода думать, что эта одежда причиняет ему страдания.

Зелимхан Умаров, приехавший полчаса назад, рассказывал хозяину о делах, которые не обсуждались по телефону и не доверялись посыльным.

Зелимхану было почти сорок. Уже не молодой чеченец, всегда с невозмутимым выражением лица, курировал основную часть легального бизнеса столицы, который принадлежал диаспоре. Его сегодняшний приезд к боссу был вызван событиями, развернувшимися вокруг пассивности Черного Принца – Ларисы Пузыревой. Являясь промежуточным звеном между Шамилем и этой женщиной, которая и не подозревала о существовании кого-либо еще, кроме Умарова, он выполнял роль ниточек, тянущихся от пальцев кукловода к конечностям куклы.

Нельзя сказать, что Шамиль никогда не видел Ларисы. Он несколько раз посещал ее заведения, под видом обычного посетителя.

Напрямую с людьми, подобными ей, Шамиль встречался в исключительных случаях. Зачастую день разговора с человеком такого уровня приходился на последние минуты его жизни на этом свете, однако Пузырева была своего рода исключением из правил. С ней он навряд ли посмеет разделаться, если она «напорет косяков».

– Значит, парень действительно не промах, – задумчиво произнес Шамиль, дослушав рассказ Зелимхана, и остановился у небольшого искусственного пруда, с нависшими над водой ивами. – Где этот деятель сейчас?

– В милиции.

С минуту полюбовавшись лилиями, Шамиль развернулся лицом к своему провожатому:

– Если машину пытались угнать вчера, то как этот человек оказался с Ларисой сегодня? – Он испытующе посмотрел на Зелимхана. – Неужели ночевал у нее?

– Не знаю, – Зелимхан пожал плечами. – По крайней мере, она отказалась от предложения заменить Спицына.

– Чем мотивировала? – Шамиль напрягся.

Не хватало еще, чтобы эта шалава закрутила романчик со своим спасителем. И это сейчас, когда Масуд уже здесь. До этого времени Шамиль закрывал глаза на ее связи, заранее зная, что, ограничив свободу, лишь навредит делу. Пузырева нужна была ему как приманка для капиталов богатого и пока не жалеющего денег араба. Кто его знает, что может произойти, если Масуд узнает о ее любовных интрижках. Наверняка распорядится убить и потеряет интерес к Шамилю, а это неминуемо отразится на финансовой помощи.

– Мотивировала? – вспоминая состоявшийся накануне разговор, переспросил Умаров и, чувствуя напряжение, охватившее хозяина, опустил взгляд. – Сказала, этот парень отвезет ее домой, а с утра просила приступить к решению вопроса о его трудоустройстве.

– Куда они поехали потом?

– Не знаю. Доку со своими людьми сел ему на хвост только утром, у офиса.

– Ладно, пускай пока посидит в обезьяннике, – Шамиль неожиданно рассмеялся и похлопал помощника по плечу. – А вообще редкий случай, не чеченец, а русский оказался за решеткой!

* * *

После оформления протокола Филиппова водворили в камеру для временно задержанных.

В отделении вели ремонт, поэтому всех нарушителей размещали вместе.

В небольшом помещении, отделенном от коридора решеткой, скопилось пять человек.

Антон был абсолютно уверен – чеченцы используют факт нападения на их человека в своих интересах. Наверняка и Лариса, если организация слежки была ее инициативой, пойдет у них на поводу. Милиция и прокуратура, в случае лояльности по отношению к нему, рискуют быть обвиненными на весь мир в национальном притеснении и попирании прав кавказцев. Нас, мол, за одно отсутствие регистрации могут невесть сколько в обезьянниках держать, а русский среди бела дня напал – и хоть бы хны.

В случае, если Родимову удастся все же вытащить его отсюда, полный провал по нейтрализации Черного Принца обеспечен.

Под конец рабочего дня его наконец вызвали. Уже не молодой сержант, проведя по узкому коридору, открыл перед ним двери в небольшое прокуренное помещение.

Три стола, на одном из которых стоял компьютер, три стула, сейф и книжная полка с юридической литературой представляли стандартный набор мебели служебного помещения МВД. На заляпанном бурыми пятнами подоконнике шумела кофеварка.

За одним из столов что-то писал средних лет, крепкого телосложения мужчина в штатском. Подняв глаза на вошедших, он взглядом указал Антону на стул, а сопровождающего отпустил.

– Ну что, гражданин Игнатьев? – Милиционер взял лежащие на краю стола протокол о задержании, рапорта патрульных и заявление потерпевшего. – Будем знакомы. Оперуполномоченный Николай Иванович Савинов.

– Очень рад, – с иронией буркнул Антон.

– Как тебя в ваших кругах кличут? – Неприязнь в интонации задержанного не осталась незамеченной следователем, и в его голосе тотчас появились металлические нотки. – Игнат небось?

– В каких кругах? – переспросил Филиппов.

– В криминальных. – Милиционер снял пиджак и, развернувшись вполоборота, повесил его на спинку стула. – А ты думал, которые на воде?

– Я утром говорил и сейчас повторяю, эти люди следили за мной! – Отвечая на вопросы, Антон одновременно взвешивал в уме свои шансы на побег, если без лишнего шума ему удастся завладеть пистолетом, который, как оказалось, находился у Савинова в наплечной кобуре.

Однако на окне решетка, за дверями еще один милиционер, дальше больше. Без крови не уйти... Он с сожалением отказался от этой мысли.

– Поверь мне, Антон Алексеевич. – Опер вынул из ящика стола несколько чистых бланков и положил перед собой. – Это дело до суда доведут без проблем. Ты же с поличным взят! Тебе сейчас, чтобы срок скостить, не ерепениться, а, наоборот, сотрудничать со следствием надо.

– Вы беседовали с Пузыревой? – спросил Антон.

– Даже если ты действительно предотвратил угон ее машины, это никак не объясняет твои действия в отношении владельца «Вольво», которого, как ты сам признаешь, среди угонщиков не было. Логичнее было бы обратиться в милицию того же метрополитена.

Антону нечего было ответить. «Влип по полной», – кольнула мысль.

– Значит, продолжаешь настаивать на своем? – Савинов внимательно смотрел на Филиппова.

– Не на своем, а на том, как все было, – невозмутимо ответил Антон.

– Ну что же. – Милиционер достал носовой платок и вытер со лба пот. – В ближайшее время тебя переведут в СИЗО, а материалы будут переданы в прокуратуру.

Когда Филиппов вернулся в обезьянник, там уже было на одного человека меньше. Отпустили молодого парня, задержанного без документов.

Антон уселся на скамейку и оглядел своих сокамерников. О том, кем являются два неопределенного возраста скверно одетых субъекта, с пропитыми и заросшими лицами, гадать было не нужно. Похожие на леших из страшных детских снов, они вполголоса о чем-то переговаривались.

Один из них подошел к решетке и по имени окликнул проходившего мимо сержанта. С минуту пошептавшись с ним, повеселел и, вновь вернувшись к своему товарищу, хлопнул и потер грязными ладонями:

– После смены отпустят! Только надо будет мусор со двора убрать.

– Не впервой! – расплылся его кореш в беззубой улыбке. – Уберем.

Четвертый обитатель этого заведения был одного с Антоном роста и комплекции. Он сидел у стены напротив, краем уха слушая, о чем говорят бомжи. На нем была нелепая пестрая рубашка и джинсовые шорты.

Услышав радостные возгласы по поводу скорого освобождения, он зло сплюнул на пол и посмотрел на Филиппова:

– Тебя за что задержали?

– Регистрация, – Антон ляпнул первое, что пришло в голову, всем своим видом давая понять о нежелании продолжать разговор.

Однако парень не унимался:

– Приезжий?

Филиппов кивнул головой.

– А меня жена сдала. – Навязчивый собеседник расплылся в улыбке. – С товарищем набрался, домой пришел, а она двери не открывает. Говорит: «Иди туда, где пил». Вот я двери и давай ломать... – Он напялил на голову кепку с неимоверно длинным козырьком, которую до этого мял в руках, и весело посмотрел на Антона. – Ничего, сейчас заберет. Я ее знаю.

Антону было не до веселья. У него шансов оказаться на свободе минимум. По дороге в следственный изолятор, а тем более оттуда, бежать без криминала нереально. Никто не сможет оправдать его действий в случае, если он возьмет заложника или перекалечит конвоиров. Тем более удастся ли ему уйти живым от вооруженных людей, которые на этой работе собаку съели, ведь они не будут знать о том, что в его планы не входит их убивать. Ко всему, в ближайшее время у него обязательно откатают пальчики...

Размышления были прерваны подошедшим к решетке милиционером. Позвенева ключами, он распахнул двери и, обведя взглядом сидевших, брезгливо уставился на бомжей:

– Ну что, братья акробаты, на свободу с чистой совестью? Через воспитание трудом. – Затем обратился к Антону: – Лебедев кто?

– Я, – подскочил парень в шортах. – Мне тоже с ними?

– За тобой жена пришла. Скоро тоже выпустят.

– А почему не сейчас?

– Команды не было, – уже удаляясь по коридору, бросил сержант.

Неожиданно Антона осенила дерзкая идея.

Он прислушался. Шаги в коридоре стихли. Поднявшись с лавки, он несколько раз прошел из угла в угол камеры.

– Я же говорил! – Сияющий от счастья Лебедев последовал примеру Антона. Хлопнув ладонями по острым коленкам, он соскочил со своего места. – Она мне еще за моральный ущерб пузырек выкатит...

Парень хотел еще что-то сказать и уже набрал в легкие воздух, однако Филиппов, поравнявшись с ним, не дал этого сделать. Молниеносными ударами в шею, под ухо и кулаком в висок, он «выключил» его.

Подхватив обмякшее тело, Антон осторожно положил его на пол и прислушался. По-прежнему было тихо. Быстро стянув с Лебедева шорты и рубашку, принялся переодеваться. Шорты были тесные. Отказавшись от затеи застегнуть пуговицу на ширинке, надел рубашку навыпуск. Затем переодел Лебедева.

Неожиданно несчастный стал приходить в себя. Он открыл глаза и, скривившись, громко застонал.

Схватив бедолагу рукой за лоб и сдавив пальцами виски, Антон подложил под его голову кепку и ощутимо приложил о бетонный пол затылком.

Через некоторое время Лебедев в одежде Антона смирно «дремал», прислонившись спиной к стене.

Не прошло и пяти минут, как в коридоре вновь слышались шаги.

– Лебедев! – Милиционер толкнул решетчатую дверь и зевнул. – На выход!

Сержант не сразу сообразил, что перед ним не тот человек. Его внимание отвлекло неестественное положение сидящего в углу второго задержанного. Когда же он открыл было рот, чтобы задать какой-то вопрос, Филиппов уже находился на расстоянии вытянутой руки от него. Сбитый с толку одеждой, милиционер поздно понял свою ошибку и так и не успел издать ни звука.

Схватив его за предплечье, Антон стремительно крутанул беднягу, разворачивая к себе спиной, и, отступив назад, в глубь камеры, дернул левой рукой вниз, а правой ударил в висок. Спина милиционера еще не успела коснуться пола, а он уже был без сознания.

Возня скоротечной схватки осталась незамеченной. Защелкнув на запястьях милиционера его же наручники и забрав баллончик со слезоточивым газом «Черемуха», Филиппов вышел в коридор.

Развернув кепку козырьком назад, он выглянул из-за угла. Недалеко от выхода, через небольшое окошко в стекле, о чем-то переговаривалась с дежурным худенькая женщина. По

всему выходило – это была жена Лебедева. Дальше, у турникета, навалившись плечом на стену, скучал одетый в бронежилет молодой милиционер, вооруженный автоматом.

Опасаясь появления еще кого-нибудь и не теряя больше времени даром, Антон выскочил из укрытия и, поливая аэрозолем «Черемухи» позади себя, устремился к выходу. Женщина развернулась в его сторону и оцепенела. Фактор неожиданности превзошел все ожидания. Милиционер на выходе среагировал лишь тогда, когда странный и несуразно одетый мужчина с перекошенным лицом был в двух шагах от него. Струя аэрозоля заставила его забыть обо всем.

Антон бросил на пол опустевший баллончик «Черемухи», отвел ствол автомата в сторону и отсоединил магазин.

Он тоже хватанул газа. Глаза слезились, в горле першило, поэтому на улицу пришлось выбираться почти на ощупь. Бросив магазин с боеприпасами в урну, не мешкая, устремился к ближайшему перекрестку. Уже оказавшись на углу дома, Антон обернулся и увидел, как выскочивший следом за ним дежурный, держась за лицо, принялся крутиться на одном месте, пытаясь понять, куда делся беглец.

Глава 8

– Лариса Евгеньевна! – Словно чему-то радуясь, охранник выскочил из своей, похожей на стеклянный скворечник, будки. – К вам следователь из милиции приезжал. С полчаса подождал и уехал. Просил заехать. – Виновато шмыгнув носом, он протянул сложенный вдвое листок, вырванный из записной книжки. – Вот адрес, это недалеко.

– Из прокуратуры? – уточнила она, зная, что все материалы по убийству охранника и наезду на секретаршу объединили в одно дело и направили туда.

Однако, развернув листок, удивилась:

– Даже район не тот...

Теряясь в догадках, она решила не откладывать дело в долгий ящик.

Капитан Савинов сразу ей не понравился. Как ни странно, причиной неприязни стала не внешность или какие-либо другие физические данные, а его негативное мнение об Игнатеве.

С первых слов, а именно с того момента, как Савинов назвал фамилию потерпевшего и показал написанное его рукой заявление, Лариса поняла – Антон стал жертвой топорной проверки его на «вшивость». Крайне усугубив свое положение побегом, он сейчас находится в розыске.

– Неизвестно, сколько еще после этого пролежит в лечебном учреждении потерпевший сокамерник, я не говорю уже о нашем сотруднике, который находился при исполнении, – словно сквозь какой-то туман пробивались до ее сознания слова милиционера. – От этого будет зависеть статья. В общем, влип ваш спаситель, и добро ему творить не придется еще лет семь.

– А если заявление заберут? – неожиданно спросила она.

– Что вы о нем так печетесь? – удивился Савинов. – Не находите ли вы, что этот Игнатьев просто умело разыграл комбинацию с угоном вашей машины при помощи своих дружков.

– Для чего? – удивилась Пузырева, и неожиданно ее осенило: – Вы считаете, таким образом он пытался войти в доверие?

– Именно! – повеселел оперативник. – Я сразу это заподозрил. Но вы не волнуйтесь, рано или поздно мы его все равно найдем.

Лариса задумалась. Получалась какая-то путаница. С одной стороны, Антон утверждал, что намеревался вместе со службой безопасности «Юпитера» разобраться с водителем «Вольво» в причинах слежки, связывая ее с неудавшейся попыткой угона машины. Если верить протоколу допроса потерпевшего, коим является Доку Рамзанов, все было в точности наоборот. Игнатьев принуждал его ехать в противоположном направлении, оскорблял, угрожал убить...

Если это так, в чем она глубоко сомневалась, значит, Антон случайно оказался в машине чеченца. Не исключено, что его кто-то напугал на входе в метро, и он бросился к ближайшему автомобилю.

Однако слежка действительно была, а раз он преподавал на курсах охранников и телохранителей, наверняка ему не стоило большого труда ее обнаружить.

Так или иначе, объяснить все может только Доку.

Поразмыслив, Лариса решила пока не говорить милиционеру о том, что водитель «Вольво» ей знаком и выполнял поручение руководства фирмы.

Все эти дни она не переставала размышлять, кто стал причиной ее неприятностей. Конкуренты были. Они есть всегда, но никто особых претензий не предъявлял. Всеми этими вопросами ведал Зелимхан и никогда не говорил о каких-то больших проблемах.

Савинов задал ей еще несколько вопросов. Все они касались в основном только возможного местонахождения Игнатьева. Огорчив опера полным отсутствием какой-либо инфор-

мации, Пузырева отправилась в офис с твердым намерением поговорить с исполнительным директором напрямую.

Зелимхан Умаров поджидал Ларису в офисе. Не дожидаясь приглашения, он прошел следом за ней в кабинет и уселся на свое излюбленное место, глубокое кожаное кресло у стены. Этим он как бы подчеркивал свою независимость от хозяйки фирмы. Здесь он чувствовал себя просто человеком, зашедшим пообщаться, тогда как за столом для совещаний уже выглядел подчиненным.

Лариса давно разгадала этот трюк, но даже на совещаниях со всеми руководителями направлений не делала ему замечаний, боясь задеть самолюбие кавказца.

– По какому поводу вызывали? – с ходу поинтересовался он, настороженно глядя на Ларису.

– Уже успели доложить? – улыбнулась она и, достав из сумочки зеркальце, придирчиво оглядела лицо.

– Работа такая, – вздохнул Зелимхан.

Пузырева закончила приводить себя в порядок и перевела взгляд на Умарова:

– Вчера сбежал из милиции тот, о ком я говорила тебе.

– Игнатьев? – Его лицо вытянулось от удивления. – Интересно... Кого-нибудь убил?

– Покалечил, – Лариса грустно усмехнулась. – По крайней мере, так сказали. Ты ответь мне на такой вопрос. – Боясь выдать охватившее вдруг волнение, она выдвинула ящик стола и сделала вид, будто что-то в нем ищет. – Доку говорил в милиции правду?

На какое-то время воцарилась тишина. Зелимхан перевел взгляд на окно.

– А какое это имеет значение?

– Имеет. Ты пойми, человек ни за что оказался за решеткой. Мне кажется, его действия вполне подтверждают нормальные намерения.

– А мне кажется, наоборот. – Лицо Зелимхана сделалось злым. – Просто так из милиции сбежать очень трудно. Как ты объяснишь появление патрульной машины в тот момент, когда он напал на Доку? Молчишь? – Он встал со своего места и нервно заходил по кабинету. – Они страховали его на тот случай, если вдруг Доку вышибет ему мозги. А когда Рамзанов повел себя, будто напуган и убегает, им ничего не оставалось делать, как брать этого Игнатьева.

Ларисе была понятна логика Зелимхана. Трудно было с ним не согласиться, но она не собиралась сдавать без боя позиций. Понравился ей этот загадочный мужчина, и она с завидным женским упорством не хотела верить в то, что ей говорил Умаров.

– Зачем я нужна ментам? – Она уперла руки в бока и исподлобья посмотрела на чеченца.

Тот улыбнулся:

– А как ты хотела? У нас игорный бизнес. Он всегда интересуется силовыми структурами. – Зелимхан потер переносицу. – Кроме всего, наверняка их беспокоит, что вторым человеком у дел стоит чеченец.

– Неужели после того, как мы на гуманитарные нужды перечислили столько средств, они еще могут усомниться в тебе? – не поверила Пузырева.

– Не кипятись, – Зелимхан предостерегающе поднял руку с открытой ладонью. – В конце концов, есть конкуренты, бандиты, проходимцы и просто стечение обстоятельств. Может быть, и твой охранник убит за дела, не имеющие никакого отношения к нашему бизнесу, а секретарша случайно попала под колеса. Просто это все произошло почти в одно время, вот и настаивает на нас и прокуратура.

– А машина? – не унималась Лариса.

– Ничего удивительного, – Зелимхан вернулся на свое место и вновь заговорил: – Хорошая, дорогая тачка. Сейчас угоны не редкость. Впрочем, я все равно не исключаю, что это просто умело разыгранный спектакль.

* * *

Антон шел, сторонясь оживленных улиц и опасаясь встречи с милицией. Москву он знал достаточно хорошо, но это касалось основных магистралей. Сейчас он несколько раз попытался воспользоваться, как казалось на первый взгляд, проходными дворами, но неожиданно оказывался в тупиках. Приходилось возвращаться обратно. Это нервировало.

Дом генерала Родимова находился в сорока минутах езды на метро, однако после побега из отделения ему в метро появляться нельзя. По всем видам связи оперативным сотрудникам, патрульным милиционерам, автоинспекции сообщаются приметы предполагаемого преступника. В районе, где он может скрываться, выставляются дополнительные силы. В своем кричащем наряде он сразу бросается в глаза.

Неожиданно Филиппов повеселел. Это бывало с ним тогда, когда выход из затруднительного положения был только через риск. Сейчас обстоятельства вынуждали его действовать жестко, либо он вновь рискует оказаться за решеткой.

Пройдя несколько кварталов, Антон наконец нашел подходящее место для осуществления своего замысла. Это был табачный киоск. Остановившись рядом с ним, он принялся ждать.

Затормозила какая-то иномарка. Из нее вышел крепкий, уверенный в себе мужчина в темных очках. Подойдя к киоску, он сунул в окошко деньги и показал пухлой рукой с печаткой на среднем пальце на «Парламент».

Немного подумав, Антон решил с ним не связываться. Не та категория, которая легко поддается убеждению. В течение десяти минут остановились еще две машины. Но в одной из них было несколько человек, а в другой собака. Он уже начал волноваться, опасаясь, что привлекает внимание, когда подъехала «Волга». Высокий и худой парень, квакнув сигнализацией, направился к киоску, на ходу доставая из барсетки деньги.

Антон, изображая на лице безразличие, подошел ближе к двери. Не обращая внимания на странного мужчину, стоящего рядом с машиной, на ходу подкурив сигарету, парень вернулся обратно. Снова квакнула сигнализация и щелкнули замки передних дверей. Дождавшись, когда владелец «Волги» вставит ключ в замок зажигания, Антон бесцеремонно, с каменным выражением на лице, уселся рядом.

– Давай в Измайлово, – не глядя на опешившего хозяина «Волги», спокойно скомандовал он. – И не делай глупостей, а то в лучшем случае оставлю без машины.

Антон знал, ворвись он с перекошенным лицом и пеной на губах, водитель тотчас, подчиняясь инстинкту самосохранения, либо кинется прочь, либо примется махать руками, а это привлечет внимание прохожих. Спокойный, негромкий голос человека, уверенного в том, что ему подчинятся, ввел курильщика в оцепенение сродни гипнозу.

– Поезжай, – по-прежнему не глядя на парня, поторопил Филиппов. – Я тебе ничего плохого не сделаю. Просто меня преследуют нехорошие люди...

Растерянно глянув в зеркало заднего вида, словно желая увидеть бегущих сзади «нехороших людей», парень кивнул головой и завел машину...

Увидев в дверях Филиппова, Родимов чертыхнулся:

– Ну здравствуй, клоун! – Он посторонился, пропуская Антона в прихожую. – Ты чего это как попугай вырядился?

– Почему клоун? – оставив вопрос без внимания, удивился тот, глядя на раскрасневшееся лицо генерала.

Федор Павлович был в одних спортивных трусах и тапочках. Через плечо болталось полотенце.

В кабинете у Родимова стоял велотренажер, на котором в свободное время он преодолевал мифические километры. По его словам, это универсальное средство позволяет одновременно поддерживать физическую форму, думать и успокаивать нервы.

– А кто же еще? – проворчал генерал, проходя в комнату. – Не успел вселиться в квартиру, а там уже обыск. В милиции оказался. Скажи еще, что после того, как у тебя на хате нашли две краденые иконы и гранату, отпустили?

– Какая граната? – неподдельно удивился Антон. – Кроме зубной щетки, бритвы и одежды, на эту квартиру я больше ничего не брал!

– Успокойся, – махнул рукой генерал, указывая на кресло. – Это они в первый раз плохо искали. Наверняка от настоящего жильца остались. Надеюсь, бежал без особого криминала?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.